

Э Д У А Р Д
В Е Р К И Н

О С Т Р О В
С А Х А Л И Н

Р О М А Н

Эдуард Веркин. Взрослая проза

Эдуард Веркин
Остров Сахалин

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веркин Э. Н.

Остров Сахалин / Э. Н. Веркин — «Эксмо», 2018 — (Эдуард Веркин. Взрослая проза)

ISBN 978-5-04-093497-3

«Остров Сахалин» — это и парафраз Чехова, которого Эдуард Веркин трепетно читает, и великолепный постапокалипсис, и отличный приключенческий роман, от которого невозможно оторваться, и нежная история любви, и грустная повесть об утраченной надежде. Книга не оставит равнодушными ни знатоков классической литературы, ни любителей Станислава Лема и братьев Стругацких. В ней есть приключения, экшн, непредсказуемые повороты сюжета, но есть и сложные футурологические конструкции, и философские рассуждения, и, разумеется, грустная, как и все настоящее, история подлинной любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093497-3

© Веркин Э. Н., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Итуруп	6
Монерон	23
Холмск	29
Показания Артема	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эдуард Веркин

Остров Сахалин

*Милая моя девочка, за воротами райского сада еще жив единорог,
ты же знаешь, ты знаешь.*
Сиро Синкай

Итуруп

Пожалуй, слишком.

Фамильный макинтош выцвел именно из темно-темно-зеленого. С неожиданными красными прожилками и редкими золотыми блестками, будто под промасленным сафьяном выросла прозрачная плоть и стало можно смотреться в ее глубину. Во времена непоседливых молодых богов такие плащи шили из верхних век бестолковых драконов, выдубленных в крови стойких македонских всадников, высолненных в слезах спартанских женщин, эти плащи меняли на чистые сапфиры, собранные на том самом Другом берегу, – за них отдавали в полон села и пускали на поток города.

Слишком старательные мысли, профессор отучал меня от старательных мыслей.

В восемь лет, стоя на табуретке и примеряя этот плащ перед зеркалом, я сочиняла историю. Про воинов, и первый бой, и последний бой; про красавиц, ожидающих песчаную саранчу; про долгую непогоду, мудрых стариков и тягучие яды, прожигавшие в зеленой коже тонкие шагреневые прожилки.

И снова чересчур старательные. Как сложно бежать от этого, когда образцы смотрят на тебя с книжных полок, соблазняют и обезоруживают своей наивностью и гениальной пошлостью.

В четырнадцать я могла примерить макинтош уже без табуретки, и по плечу он был мне впору. В этом возрасте я уже не очень верила в бравых воинов и прозорливых старцев, хотя... Немного еще верила, да, все-таки верила. И книжки читала, и грезилась об Атлантиде, и в тухлом ветерке, прилетавшем с залива, надеялась услышать дыхание ледяной, великой и забытой ее детьми Гипербореи, и в октябрьских закатах, которые длились часами, видела отблески минувшего Эльдорадо.

Чуть лучше.

В мои двадцать два отец снял макинтош с вешалки и с улыбкой вручил мне, сказав, что неплохо бы его починить. С тех пор плащ висел в моей комнате и ждал своего часа.

Макинтош давно утратил первоначальный опрятный вид, но приобрел все качества настоящей, служившей вещи: потертость в плечах и на локтях, оторванные карманы, сжеванный воротник и несколько обугленный правый рукав, ну, и четыре знаменитые дырки – аккуратные на правой лопатке, там, где пули вошли в спину моего прадеда, и широкие с правой стороны груди, где эти пули вышли.

Я изучала эти дырки, разглядывая сквозь них потолок каюты и размышляя, как прадеду удалось выжить после такого славного ранения. Еще думала – стоит ли забрать эти дырки каучуковыми заплатками или все же залить их прозрачной жидкой резиной? Остановилась на заплатках – ходить с дырками было, пожалуй, чересчур эпатажно даже в предстоящем путешествии. Я велела принести все необходимое и вулканизировала пулевые отверстия.

Потом я примерила плащ, потому что время его настало.

Он долгие годы висел в кабинете отца на почетном месте и считался семейной реликвией – от отца к сыну вместе с саблей, землей и дворянским состоянием. В отсутствие братьев и сестер все это отходило мне, благо после Реставрации и землю, и титулы могли наследовать и лица женского пола.

Предки отличались и ростом, и сложением, так что плащ был несколько мне велик, но это обстоятельство не особо смущало – погода на островах часто стояла промозглая, так что я намеревалась надевать под плащ свитер. В целом макинтош оказался весьма удобной и родной вещью, надеваешь, и между тобой и миром появляется что-то надежное, действительно надежное, прадед ведь выжил.

Конструкция плаща отличалась прочной довоенной продуманностью, в наши, окончательно одноразовые времена такой найти трудно. Под мышками и на спине были особые карманы, при попадании в воду эти полости наполнялись воздухом и не давали хозяину вещи утонуть – именно это приспособление спасло отца, когда его без сознания выбросило за борт «Конестоги», той самой. Я отметила, что эти карманы несколько мешают, не то чтобы сковывают движения, но создают незначительное неудобство, натирая под мышками, их можно было без ущерба для кроя вырезать, но из соображений скорее суеверных я эти пазухи решила оставить, мало ли? К тому же в одной из полостей с левой стороны совершенно неожиданно мною была обнаружена золотая монета, стертая из-за ношения под рукой, на ней не просматривались ни властитель, ни год, но смутные очертания хищной птицы на аверсе угадывались. Я хотела извлечь ее, но подумала, что она могла быть помещена за пазуху не случайно, возможно, это был талисман кого-то из моих предков, так что я лишь протерла монету и вернула ее обратно, надшив вокруг гурта неширокий бортик, чтобы монета сидела как бы в гнезде.

По бокам плаща раньше крепились проушины, судя по всему, с их помощью на спине фиксировалась кевларовая черепаха или иное защитное приспособление, до наших дней не дошедшее. Заплаты на их месте разошлись, задрались и тоже требовали ремонта. Я вооружилась паяльником, клеем, иглами, плетеной леской, вулканизатором и утюгом, и пока наш сухогруз пробирался на запад, чинила и подгоняла макинтош под себя. Сначала я хотела его несколько укоротить, но, поразмыслив, пришла к выводу, что делать этого не стоит – глупо разрушать проверенный временем функционал в угоду сомнительной эстетике, плащ должен оставаться плащом. В результате я сохранила длину макинтоша, но, чтобы он не выглядел окончательным мешком, приплавила в районе талии двойные хлястики для оружейного пояса.

Чтобы руки не болтались, я снабдила просторные рукава прорезными пряжками, так что при желании можно было увеличивать или уменьшать размер обшлагов, кроме того, излишки рукавов теперь складывались на предплечьях почти вдвое, что позволяло закрепить их ремнями и использовать в качестве щита, допустим, если на тебя кинется собака... Хотя там, судя по всему, нет собак. Но броситься может и китаец, и тогда усиленные рукава помогут.

По совету отца спереди, на внутренней стороне плаща, там, где проходила линия застежек и клапанов, я нашла несколько продолговатых бляшек, вырубленных из дюралевого листа, – для того чтобы не путаться в полах, а отбрасывать их в сторону одним движением. Это дало определенный эффект – пистолеты я стала доставать быстрее.

Прибавила карманов, в том числе и потайных, – карманы в путешествии вещь неоспоримо важная. Хотела приделать эполет, но вовремя спохватилась – профессор Ода рекомендовал как можно меньше выделяться среди жителей острова и тут же ехидно поправлялся, что мне, конечно, не грозит остаться незамеченной. Эполет я решила не шить, вместо него нарастила на плечи накладки из толстой буйволиной кожи, потратив на эту операцию два часа. У меня было прекрасное настроение, запах плавленной резины радовал, качка, терзавшая первые дни плавания, уже не изводила, и даже исколотые иглой пальцы приятно болели, а приготовления к высадке вносили в душу уверенность и успокоение. Я готовилась увидеть остров, старалась предчувствовать его, и отчасти мне это удавалось. В иллюминатор моей каюты било солнце, я знала, где оно висит в полдень, и компас на столе тоже указывал направление, но и без солнца и компаса я знала, где он.

Приготовив костюм, проверив застежки, шнуровки, заклепки и клапаны, молнии и карманы, я приступила к снаряжению макинтоша; требовалось заполнить его предметами, которые могли бы пригодиться в экстренной ситуации и облегчить мой путь. Я не собиралась оригинальничать, ничего необычного с собой не брала, только самое необходимое. Складной нож с многочисленными инструментами, от отвертки до пилы и плоскогубцев. Всепогодная зажигалка, приспособленная для розжига как в сухую погоду, так и в слякоть; к ней прилагался титановый бокс со спичками, горящими под водой. Герметичный пластиковый кейс для докумен-

тов. Фонарик, миниатюрный, размером с палец, способный, однако, светить двенадцать часов. Фальшфейер. Карманная аптечка, в которую включался основной набор антибиотиков, обезболивающее, адсорбенты. Походную аптечку я укомплектовала заранее, и там набор медикаментов был более внушительный. Не забыла я и стеклянный пузырек, припасенный мною для земли. Я поместила его в особый продолговатый карманчик, укрытый за подкладкой. Вроде все.

Я примерила макинтош и в очередной раз подивилась тому, насколько ладная получилась одежда. Смотрелась я в ней так хорошо, боевито и опытно, что я рассмеялась, выхватила пистолеты и рассмеялась еще громче – из зеркала смотрела вполне себе воинственная особа, готовая в случае чего прострелить вражескую коленку. Вот, например, этому помощнику капитана с сокрушительным именем Тацуо: слишком уж часто и не по чину посматривает. С железным коленом он стал бы выглядеть гораздо представительнее, солиднее, по-морскому, надо, чтобы оно скрипело еще. Хотя он подобного прострела не перенесет, он ведь презирует свою «Каппу» и наверняка грезит об «Эноле», а туда хромоногих не принимают, туда и не хромоногих далеко не всех принимают.

Я села на кровать и стала ждать. Слушала море, бьющее в борт, Ину, периодически свеялась с картой, прокладывая курс и просто сидела, так вот, вытянув ноги.

В полдень в шестидесяти милях от порта с сопровождающего миноносца приказали перейти на самый малый ход; «Каппа» покорно замедлилась, а потом и вовсе остановилась, резко, словно наткнувшись на хребет спящего дракона. По столу со звоном покатился стакан, красные пахучие звезды качнулись под потолком и сцепились лучами, завопили сирены, и я поняла, что тревога, кажется, боевая. Поднялась на палубу.

Ни команды, ни рабочих, ни кого-либо еще видно не было, помощник услужливо разъяснил, что в соответствии со штатным расписанием во время боевой тревоги посторонним лицам находиться на палубе категорически запрещается, но для меня капитан сделал исключение. Помощник Тацуо выглядел важно, на шее у него болтался бинокль внушительных размеров, а сам он старался держаться с достоинством, осанисто, с определенной долей превосходства над таким сухопутным существом, как я. Впрочем, что-то заискивающее в его фигуре все же было. Я поинтересовалась причиной задержки и тревоги, помощник, не отрываясь от бинокля, ответил, что мы встретили призрака, примерно в пяти милях к северу, и теперь его будут топить. Тацуо протянул мне бинокль, но перед тем, как посмотреть, я подождала несколько секунд, пока медные окуляры остынут от неприятного тепла его кожи.

Похоже, что траулер. Старый, без опознавательных знаков, но в хорошем состоянии, вполне себе на плаву, разве что корма немного просела, а так даже краска сохранилась. Типичный призрак. Ближе к материку его бы, пожалуй, осмотрели, но здесь с этим возиться вряд ли будут, слишком хлопотно и опасно, да и нет у миноносца такой задачи, так что действительно потопят. Вряд ли это беженцы, скорее всего, еще довоенная посуда, вытщенная в море последним цунами.

Я посмотрела на запад и в подтверждение своих мыслей увидела «Энолу», выходящую на боевой курс. Она ускорялась, зарываясь в волны. Неужели используют торпеду? Для цели, недостойной хорошего снаряда? Ее же легко можно разнести из пушек, каждый вакуумный кайтэн стоит как двухэтажный домик на четвертой линии...

Но Императорский флот был верен традициям и потому презирал экономию. Миноносец резко изменил курс, и тут же под призраком вздулся гигантский водяной пузырь. Он поднял траулер над океаном и лопнул с протяжным вздохом. Траулер обрушился в возникшую воронку и сгинул, вода на поверхности вскипела. Все.

Пришла слабая ударная волна, она хлестнула по нас острой соленой дробью и сорвала с меня капюшон. Помощник капитана предусмотрительно придержал свою фуражку рукой и улыбнулся. Он определенно мечтает служить на военном флоте, с детства мечтал, но не полу-

чилось. Возможно, из-за здоровья, но, вероятнее всего, подвело происхождение: в помощнике угадывалось нечто неуловимо корейское.

Пришла волна обычная, «Каппу» повело в сторону, и помощник попытался поддержать меня под локоть, за что немедленно получил. Он тут же отобрал у меня бинокль и сказал, что нам повезло – не каждый рейс удастся увидеть такое представление, это хорошее предзнаменование, водные духи будут к нам милостивы. Но, с другой стороны, и не повезло – теперь мы наверняка не успеем до сумерек, а это не есть хорошо.

Он оказался прав – «Каппа» вошла в залив поздним вечером. Погода злорадствовала: ветер сменялся дождем, остывающее дыхание вулканов стекало в море ручьями и серым туманом, сквозь который не прорывались ни огни порта, ни свет маяка, ни газовые факелы дальних обогатительных станций. Капитан не спешил приближаться к берегу, сухогруз стал на якорь на рейде Курильска, и там мы пробыли до утра, ожидая, пока ветер отгонит от берега мглу и можно будет продвигаться наверняка.

Машины перешли на холостой ход, вибрация, изводившая меня с отплытия из Кито, прекратилась, стакан не дребезжал на столе, ночник перестал рябить, и стало тихо. Только сушеные морские звезды покачивались под потолком и с деревянным звуком стукались друг о друга.

Я хотела выспаться перед завтрашней землей, но не вышло. В ушах будто вата, и вместе с ней отчего-то мигрень, я достала саквояж и из него походную аптечку. Пихтовое масло в треугольном флаконе. Если втереть по капле в каждый висок, то боль скоро отступит, кроме того, оно отлично помогает от морской болезни и от простуд.

Я прилежно втирала масло пять минут, сначала по часовой стрелке, потом против, разгоняя кровь, чувствуя, как тепло поднимается к затылку, спускается на шею, впитывается в позвонки. Чудесное средство. Бабушка утверждала, что именно с помощью него ей удалось поднять на ноги моего деда, простудившегося в легендарном Северном Походе и заболевшего там ревматизмом. Дед передвигался на костылях и с трудом говорил, и лишь чудесное пихтовое масло, баня и компрессы из меда поставили его на ноги. Мед у меня тоже имелся, но совсем немного, и я не собиралась использовать его без особой на то надобности.

Мигрень отступила, но почти сразу за стенкой завыл Ину. Никто точно не знал, как его звали, помощник капитана сказал, что они зовут его Ину, как всех каторжан. Обычно Ину рыдал днем, к сумеркам он уставал и только горько всхлипывал, окончательно замолкая в темноте, но сегодня все случилось наоборот: Ину стenal, проклиная судьбу, гремел цепями и стучал миской об пол. Я могла попросить помощника, и тот наверняка отыскал бы способ утихомирить буйного, но, если честно, помощника мне видеть совсем не хотелось. Стоны становились все протяжней и убедительней, я не могла оставаться в каюте, меня охватило странное волнение. Я поднялась на палубу.

Здесь было людно. Человек пятьдесят в оранжевых комбинезонах – полугодовая смена – стояли у лееров и курили, разглядывая проступающий сквозь туман остров. Иногда кто-то из рабочих шутил, нюхал воздух, отчетливо пахнувший серой, и указывал папиросой в сторону берега. Остальные смеялись, но невесело – им предстояло провести шесть месяцев на фабриках, производящих германий, на зольных отвалах, на конденсаторах золота, в очистных забоях и шлаковых полях. А некоторых ждала дорога на Кудрявый – жемчужину Северных Территорий, место, где из палящего дыхания бездны выпаривался драгоценный и незаменимый рений. И те, кто стоял, курил и смеялся в этот вечерний час на палубе «Каппы», знали, что домой вернуться далеко не все, а те, кто вернется, останутся калеками – с силикозными легкими, с распухшей печенью, полуслепые, с лицами, съеденными саркомой. Но те, кто переживет эти полгода, до окончания дней своих будут обеспечены: едой, водой, борделями, медициной, неотчуждаемым клочком земли, на котором он сможет вырастить дерево, на котором он умрет счастливым.

Эторофу. Население 1385, не учитывая сменных рабочих.

Инфэруно. Население 1385, не учитывая сменных рабочих.

Итуруп. Мы должны были пробыть здесь сутки. Отдать смену, принять смену, разгрузить припасы и технику и забрать контейнеры с рением, золотом, с другими редкоземельными элементами.

Я не собиралась оставаться на судне все это время. В планах было посетить окрестности Курильска, побеседовать с мэром и выполнить кое-какое поручение, которым меня обременила матушка и отказаться от которого не удалось.

Помощник капитана два раза прошел мимо в парадном кителе и с короткой саблей, которую он зачем-то прицепил к поясу, видимо, пытаясь произвести на меня впечатление. Но впечатление он производил в основном на рабочих, которые при его приближении замолкали, а едва он удалялся, начинали хихикать и передразнивать его индюшачью походку и жеребцовую осанку.

В полумиле от нас к северу в море вспыхивали и гасли зеленые огни – это была едва различимая во мгле «Энола», миноносец сопровождения Императорских сил береговой охраны, при свете дня похожий на суетливую снежную борзую, а по вечерам напоминавший хищного острыхорлого осетра. Он тоже ждал погоды, щупал туман дальними сканерами и готовился. Здесь не водилось пиратов, но случалось, что из Охотского моря приносило мертвые субмарины, столкновения с которыми не перенес бы ни один сухогруз, их топили на дальних подступах. Рением рисковать нельзя. «Энола» была нашей тенью, чем вызывала в команде периодические приступы гордости: миноносец сопровождения во всем флоте полагался только двум судам – «Каппе» и «Астре», личной яхте Императора. Особенно это вдохновляло помощника Тацуо, он, кажется, в любой момент дня и ночи мог сказать, где находится миноносец, как я знала, где Сахалин. Тацуо то и дело поглядывал в сторону рейдера, как бы поддерживая крепость своего духа мощью вакуумных торпед «Энолы».

Если честно, сегодня я впервые увидела ее на таком расстоянии. Их всего пять – «Тикандерога», «Мак Артур», «Айова», «Роберт Ли» и «Энола», рейдеры седьмого поколения. О них слышали все, но мало кому удавалось наблюдать их вблизи, так что некоторые считали, что миноносцев нет, что это слухи.

Но «Энола» существовала на самом деле, я смотрела в сторону океана, и раз в полминуты по лицу пробегала колючая волна от ее локаторов. «Энола» ждала. А мне ждать наскучило, и, постояв на палубе около получаса, я спустилась к себе, закуталась в плед и уснула. Мое путешествие началось.

Я рано проснулась. Рабочих на палубе уже не было, всюду шла разгрузка, выли сиренами краны, скрипели тросы и лязгали цепи. Здесь не осталось ничего интересного, поэтому я закинула на плечи рюкзак и отправилась на прогулку. Кажется, я улыбалась. Точно, улыбалась, это ведь была моя первая чужая земля.

Мэр Курильска принял меня доброжелательно. И хотя у него в связи с прибытием «Каппы» возникло множество неотложных дел, он тем не менее отключил от линии телефон и уделил мне час своего времени.

День разогнал утренние тучи, выглянуло солнце, мэр пригласил меня выпить с ним чаю на веранде здания администрации, с видом на вулкан и морской порт. Мы устроились в старинных глубоких креслах, и человек принес чай на золотом подносе и в золотом же сервизе, и сам чай содержал некие едва уловимые глазом блески. Я слыхала о подобном. Ну, что начальники Северных Территорий чуть ли не поголовно сибариты и склонны к тайной роскоши. Теперь, прихлебывая чай, я думала, что в этих рассказах имелся некий резон. Впрочем, металл кружек был слишком уж светлым, вполне могло стать, что мэр пытался произвести избыточное впечатление.

Чай пришлось кстати – я до сих пор пребывала в некоей отстраненности и никак не могла ощутить новую реальность, хотя она и была под ногами, вокруг, она дышала, гремела и воняла и кружилась в чашке золотой метелью.

– Наша продукция, – мэр с удовольствием позвенел ложечкой по чашке. – Высшая проба, между прочим.

– Золото? – несколько провокативно уточнила я. – Или все-таки электрон?

– Как можно? – Мэр притворно оскорбился. – Электрон... Ну что вы, конечно, золото. Правда, не могу похвастаться, что чистое.

– Палладий?

– Немного, – улыбнулся мэр. – Золото, согласитесь, само по себе...

Мэр опять с удовольствием постучал ложечкой по чашке, и звук получился высокий.

– ... золото есть скучный металл. Это...

Снова «дзинь-дзинь».

– Это лучше, чем золото. Палладий, около двадцати процентов платины и, разумеется, он.

– Рений.

– Да-да, это он. Мы извлекаем около тонны в год... Впрочем, золота больше. Чай повторить? Есть травяной, есть натуральный, из старых запасов.

Мэр пошевелил бровями, чтобы я поняла, что это действительно *старые* запасы.

– Пожалуйста, натуральный.

Мэр принялся разливать чай, а я позволила себе отвлечься на вулкан и море. Вулкан затягивали легкомысленные облачка, вокруг «Капшы» сустились краны и погрузчики, море было спокойно, вдалеке, прикрывая вход в залив, белой стрелой застыла «Энола».

– Мне сообщили о ваших намерениях, – сказал мэр. – И они, безусловно, благородны. Мы очень рады, что Департамент Этнографии наконец решил послать инспектора...

Мэр снова пошевелил бровями в мой адрес и продолжил:

– Мы счастливы встретить инспектора, который откроет глаза этим фанфаронам в столице на наше положение. И я очень рад, что сюда прибыли именно вы, молодая, образованная девушка из хорошей семьи. Вы совершенно правы, что начали свое путешествие именно отсюда, мы – форпост Северных Территорий, фактически ворота. Я бы даже сказал, врата. Оплот!

Мэр хихикнул. Я попробовала натуральный чай, он оказался действительно не так уж плох, во всяком случае, не навел на мысли о сушеных тараканах и вяленых лишайниках, вода же явно из опреснителя, но в меру жесткая, наверное, все-таки с таблетками. Надо при- выкать, вряд ли на самом Сахалине можно легко раздобыть чистой воды, так что пренебрегать фильтрованной водой, водой восстановленной или исправленной не стоит.

– Я, собственно, не инспектор, – возразила я, вежливо отодвинув чашку. – Скорее, этнограф и полевой наблюдатель, инспекционные функции мне не присвоены, моя задача – дать общую картину. Вернее, не общую картину, а впечатление, некий...

– Да-да, – кивнул мэр. – Все понятно, я читал представление...

Он улыбался, а я видела, что ничего ему не понятно и что он сейчас интенсивно пытается просчитать, действительно ли я не инспектор или нет, или, может, я избалованная, пресыщенная дура, решившая развлечь себя столь диким способом; говорят, такие опять завелись в Токио. Господина мэра настораживала прикладная футурология, слишком уж необычная.

– Департамент Этнографии... – Мэр почесал ложкой лоб. – У него... широкие интересы, кажется.

– Чрезвычайно широкие, – подтвердила я. – Например, нам исключительно интересен этнический состав Итурупа, в частности, как влияет национальность рабочего на производительность труда. Понимаете, эти данные...

Но мэр, разумеется, уже не слышал. Он добавил себе в чай еще одну порцию эрзац-сахара, вздохнул и, не слушая меня, принялся подготовленно жаловаться: национальный состав ему совершенно безразличен, да и едут сюда только китайцы, а разбираться в оттенках китайского... материала он просит его уволить, три китайца разговаривают и друг друга не понимают, это всем известно. Корреляции между выработкой нормы и этнической принадлежностью рабочего лично им не выявлены, и он повторяет – на все это ему глубоко наплевать. А вот на что ему не наплевать, так это на то, что Департамент тяжелой промышленности раз за разом присылает не рабочих, а каких-то неумных обжор, которые жрут гораздо больше, чем трудятся. Он трижды подавал в Департамент предложение подвергать всех заключивших контракт китайцев принудительной резекции желудка, но его записки остаются безответными, обжоры прибывают целыми сухогрузами, а снабжение год от года все хуже. Каждому рабочему полагается по два белковых концентрата, на самом же деле до потребителя доходит всего один, второй же капитаны сухогрузов списывают под предлогом гнили и продают на черном рынке в Южном, недостаток же питания приходится компенсировать соленой черемшой. Да и качество тех белковых концентратов оставляет желать лучшего: рацион несбалансированный, откровенно дрянной, у рабочих и у технического контингента непрекращающиеся расстройства желудка (неприлично сказать, но его заместитель – мэтр Тоши, достойнейший муж, – вынужден пользоваться пластиковыми подгузниками, а он, между прочим, давно не мальчик). А в опреснителях черви, там нужно менять кассеты раз в декаду, а их не хватает, поэтому кассеты меняются раз в три месяца, и приходится давать рабочим скверную воду, от которой черви заводятся внутри самих рабочих. С барбитуратами ситуация просто катастрофическая, их не поставляют скоро уж год, приходится компенсировать их отсутствие повышением норм выработки, потому что если не повышать нормы, то рабочие начинают собираться в бараках и рассуждать вслух. Но если повышать нормы, то амортизация рабочей силы резко возрастает, в результате чего под конец контрактного срока резко падает производительность труда, а аварийность на производстве, напротив, увеличивается, на обогатительных же фабриках задействовано сложное оборудование, и если, к примеру, в сепаратор падает какая-нибудь китайская образина, то после этого сутки сепаратор приходится чистить, а брикеты на повторную переработку...

Я попыталась прекратить этот вопль, но мэр продолжал и уже дошел в своих жалобах до погоды, которая у них обычно здесь, *как назло*, и на крыс, которых много, но которые, *как назло*, несъедобны, на отравителя, заведшегося в бараках, – травит без всякого разбора и смысла, а поймать его никак, на планы добычи, повышаемые с каждым годом. Планы повышаются, а присылаемый контингент им решительно не соответствует! Доходит до курьезов – иногда из-за низкой квалификации... да чего уж там говорить, из-за бестолковости рабочих горное управление вынуждено посылать на оголившиеся участки своих сотрудников. Мэтр Тоши был вынужден два дня проработать на Кудрявом, и теперь у него реактивный артрит.

В конце мэр еще раз пожаловался на погоду, которая, *как назло*, делает все, чтобы помешать выполнению обязательств. Ветер стал холоднее, а промозглость промозглее; чтобы согреться, тот же мэтр Тоши вынужден принимать по две термальных ванны в день, от этого у него выпали волосы и потрескалась кожа.

– А вулканы? Вулканы пробуждаются, – вздохнул мэр. – Сейсмоактивность растет с каждым годом. Тектоника нестабильна, а у нас из трех сейсмографов исправен один! Того и гляди взлетит на воздух. И во имя чего?!

Мэр сказал это слишком эмоционально и тут же осекся.

– Я все понимаю, – поправился он. – Все понимаю! И остальной персонал тоже все понимает! Двигатели нового поколения, прорыв в технике, перспективы, но и вы меня поймите – нам очень тяжело! Очень!

– Я не инспектор, – повторила я. – Я всего лишь футуролог. Департамент Этнографии, кафедра прикладной футурологии Университета, это есть в моих бумагах.

Но мэр только понимающе улыбнулся, давая понять, что я могу говорить все, что угодно, но его не обмануть, он старый волк и футурологов на своем веку повидал немало, и прикладных, и вообще всяких.

– А цунами?! – скорбно вопрошал мэр. – Это же невыносимо... Они приходят каждый год! И хотя мы сделали все, чтобы свести последствия к минимуму, но каких усилий это стоило! А они все выше и выше! Мы не можем поднимать береговую линию до бесконечности!

Мэр стал рассказывать про цунами, которые совершенно разнуздались, что прошлой осенью мэтр Тоши инспектировал дамбы и был неожиданно смыт в залив, нахлебался воды и из-за этого приобрел язву желудка, которую вынужден лечить подручными методами, а это усугубило...

Я мучительно соображала, зачем я решила зайти к мэру, то есть, разумеется, не зайти к нему неприлично, но терпеть всю эту галиматью про цунами и чирьи не было никаких сил. Кажется, мэр это и сам понимал, но остановиться уже не мог, отрабатывая роль усердного чиновника, озабоченного процветанием вверенных ему земель. Пришлось терпеть. Профессор Ода учил терпеть. Бред, безумие, снова бред, терпеть, слушать, слушать, подготовленный мозг выбирает из потока бестолкового шума сияющие ноты разорванной песни...

Все равно невыносимо. Мэр Итурупа был невыносим и подозрительно сильно пах сушеным кальмаром, так что приходилось держать мимику под контролем, чтобы не позволить лицу растечься в брезгливой гримасе. Это нелегко, так стараться, но водные духи смилоствовали – рассказывая о шайках хищников, повадившихся шастать по зольным отстойникам, мэр поперхнулся чаем, покраснел и замолк, смутившись. Я сочувственно похлопала его по спине и поинтересовалась, как найти экклесию Св. Фомы и ее настоятеля, к которому у меня есть поручение.

Мне показалось, что упоминание об экклесии вызвало у мэра грусть, но он быстро взял себя в руки.

– Патэрен Павел – наша головная боль, – сказал мэр с сожалением. – Горная администрация выделяет на его заведение некоторые средства, знаете, для призрения тех, кто недужен настолько, что вернуться домой не в состоянии. А он, вместо того чтобы утешать страждущих, лишь смущает их умы...

Мэр протер лоб платком.

– Впрочем, другого патэрена у нас все равно нет, – философически заметил он. – Кто сюда поедет, кроме фанатика? А печали требуют утolenия всегда.

Я была с этим согласна. Поблагодарила за обстоятельный рассказ и, сославшись на недостаток времени, удалилась. Мэр подарил мне золотую ложку и выделил для сопровождения к экклесии чиновника.

Этим чиновником оказался пожилой человек весьма скорбного вида, измученный и безрадостный, как природа, нас окружавшая. Видимо, тот самый мэтр Тоши, с пальцами, распухшими в суставах, с выпуклыми коленями и с коричневой лысой головой и, кажется, действительно в подгузниках. По исходящему от него запаху нетрудно было догадаться, что мэтр многочисленно болен и что подвергал свои недуги исцелению разными, в том числе и глубоко народными, средствами: язву желудка он врачевал, судя по всему, спиртом и, кажется, придерживался в лечении принципа «мази много не бывает».

Мы с мэтром Тоши надели поверх обычной одежды еще грязные пластиковые плащи и зашагали по дороге, проложенной вдоль моря. Местность, лежавшая окрест, производила удручающее впечатление: то тут, то там виднелись двухэтажные бараки, судя по виду, построенные еще до войны, покосившиеся, с проржавевшими стенами, с подпорками из выловленных в море бревен и ржавых рельсов. Отличить жилые бараки от брошенных было невозможно – все крыши покрывали мох и лишайник, окна забраны пластиковыми щитами и пленкой, а

кое-где и камнями. Рядом с бараками виднелись и другие жилища, сложенные из чего попало: из потертых тракторных покрышек, кабин бульдозеров, перевернутых лодок, плавника, разрезанных нефтяных бочек.

Между постройками в беспорядке лежали детали различных машин, вероятнее всего использовавшихся в горных и химических производствах. Котлы, фермы, колеса и поршни, огромные, в человеческий рост и выше, изъеденные кислотой, коррозией и давлением, страшные, точно на самом деле побывавшие в инфэрно, впрочем, может, так оно и было. Глядя на них, я думала: что же здесь творится с людьми, если не выдерживают машины?

Зелени не было видно, хотя лето стояло в разгаре, лишь кое-где из-под сажи и ржавчины проглядывала трава, которая выглядела здесь чужеродной.

Не встречалось и людей. Никого. Окрестности Курильска оказались безлюдны и пустынно – все население, по-видимому, сосредоточилось в промышленной зоне и возле вулканов, лишь возле одного жилища, которое плохо соотносилось со званием дома, сидел седой и с виду абсолютно сумасшедший старик.

Мэтр Тоши, кажется, бесконечно вел меня вдоль берега, лишь изредка останавливаясь для того, чтобы покашлять, проклясть свою жизнь и восхвалить мудрость Императора и снова проклясть, но в этот раз уже Итуруп, прибывающих китайцев, патэрена Павла, опасного сумасброда и шарлатана, выправившего себе и своей богадельне довольствие в гораздо большем размере, чем это полагается ему по всем известным табелям.

Я не спорила. Про патэрена Павла я почти ничего не знала, кроме того, что когда-то с ним была знакома моя мать, а еще я знала, что он очень высок, потому что свитер, который я должна ему передать, оказался Геркулесовых размеров – еще на «Каппе» я не удержалась и примерила: он был мне ниже колен.

– Не желаете осмотреть кладбище китов? – поинтересовался вдруг мэтр Тоши, когда мы оказались у границы поселения.

– Зачем? – не поняла я.

– В этнографических целях, разумеется. У нас прекрасное кладбище китов, совсем недалеко. Тут, на берегу. Вы же этнограф.

– Я футуролог.

– Тем более. Вы должны думать о китах.

Я не стала спорить. Возможно, мэтр Тоши прав, возможно, стоило думать о китах.

– В другой раз, – пообещала я. – Обязательно.

– Пойдемте, посмотрим, – не услышав меня, махнул костылем мэтр Тоши. – Это самое большое кладбище китов, в следующий раз его может смыть. Прошное цунами унесло половину.

– Мне нужно повидать патэрена Павла, – сказала я. – Мэр сказал, что вы меня проводите до экклесии.

– Зачем вам нужна эта скотина патэрен Павел? – разочарованно поморщился мэтр Тоши. – Невыносимое животное, поверьте мне...

– У меня к нему дело частного характера.

– Как знаете, – пожал, видимо, еще здоровым плечом мэтр Тоши. – Только экклесия... Возможно, такой благородной девушке не стоит ходить туда, там сосредоточены не лучшие... представители нашего островного общества.

Я не стала вступать в прения с мэтром, но неодобрительно вздохнула, и чиновнику пришлось-таки проводить меня, хотя ему этого явно не хотелось, весь остаток пути он не устал рассуждать о том, что экклесия – рассадник инфекций телесных и бацилл духовной смуты, и если бы не попустительство мэра, то он лично давно бы сжег этот клоповник и полил само место карболовой кислотой и завалил камнями.

Так мы прошли около трех километров, перевалили через лысую, похожую на плешь самого мэтра Тоши сопку и в небольшой долине увидели дымящийся ручей и на его берегу здание экклесии.

– Это здесь, – мэтр Тоши указал костылем. – Я туда не пойду, можете меня не уговаривать, там слишком скользкие камни. У вас есть дезинфицирующая жидкость? Давайте я вас обрызгаю...

Мэтр Тоши принялся доставать из-под дождевика баллончик со спреем, но я не стала этого дожидаться – запахла дождевик поплотнее и поспешила вниз по каменным ступеням.

Здание было целиком построено из плавника и от этого выглядело иначе, нежели все постройки, которые я здесь видела. Оно походило на кусок высушенного необработанного янтаря, который, в свою очередь, напоминал почерневшую кость – длинная хижина, крытая дерном и еще черт знает чем и брезентом, пропитанным мазутом, уходящая одним концом в землю, окаменелость древнего существа, давным-давно потерявшего имя. Рядом со входом на треноге, сложенной из промасленных кривых жердин, покачивался кем-то старательно начищенный медный колокол.

Я, постоянно спотыкаясь на камнях, вскоре приблизилась к постройке и почувствовала запах дыма, он пробивался через серу недр и йод моря. Дым. Тут топили печь и варили еду. Из здания доносился нервный высокий голос и глухой незнакомый звук, сначала голос – потом звук, голос – звук, видимо, проповедь, да, так и есть, проповедь.

Я, конечно же, не верю в бога. Сказки о том, как Деусу пожертвовал собой во имя, вызывают у меня легкое раздражение, злость разумного человека; профессор Ода говорит, что это у меня, вероятно, генетическое, многие века мой народ взывал к Деусу, но он отвечал лишь брезгливым молчанием, и от этого мой народ осердился на своего бога и превратил его в истукана. У нас есть сосед-буддист, он собирает старинные пробки от пластиковых бутылок и тайком строит из них статую Будды. Так вот для меня любая вера – это строительство Будды из пробок на заднем дворе. А моя мать, конечно же, верит, и бабушка тоже, в семье по материнской линии это традиция, передаваемая от матери к дочке вместе с цветом глаз и цветом волос – верить, преклонив колени. Скульптура изможденного Деусу, приколоченного к кресту, висит в каждой комнате нашего дома. Пробралась она и в отцовский кабинет, стоит рядом с барометром.

Мама и бабушка верили так сильно, что на мою долю уже не осталось ни зернышка, вообще мало на кого осталось. Тем не менее уважение к традициям во мне сохранилось, видимо, эта черта характера досталась от отца, ценившего в людях постоянство и приверженность. Поэтому я дождалась, пока голос и звук в экклесии стихли, и только потом зашла.

Я сразу поняла, почему пахнет едой, – рядом со входом располагалась жестяная курильня, в которой тлели угли, засыпанные мелко настроганными китовыми ребрами. Это они производили тот самый едкий дым с привкусом жареных костей, который меня и смутил. А еще я поняла, зачем нужен этот дым – половина помещения была завалена людьми, и дым производил двойное действие: насыщал присутствующих и сбивал дурной запах, от этих самых присутствующих распространявшийся. Люди, наполнявшие помещение, были одеты очень и очень по-разному: в оранжевые лохмотья, оставшиеся от рабочих комбинезонов, в рубища, связанные из пластиковых мешков, в резиновые бушлаты и другие одежды, которые трудно было распознать. Они сидели на полу, лежали на полу, некоторые находились в странных позах – полувисели, ухватившись за стены, опирались на палки и костыли, скрючивались в тележках, они были больны, голодны и полумертвы, а некоторые, кажется, и мертвы. Глядя на мертвых, я поняла и третье назначение дыма – вдоль стен тянулись многочисленные норы, из которых то и дело в нетерпении высовывались крысиные морды, а едкий угар, растекающийся по полу экклесии, не давал им накинуться на добычу. Впрочем, они с удовольствием полакомились бы и живыми.

Оказалось, что проповедь не закончена – человек, произносивший ее, стоял на коленях спиной ко мне и что-то тихо бормотал себе под нос. Скорее всего, это и был патэрэн Павел, не по-здешнему высокий и широкоплечий.

Я не осмелилась его беспокоить, стояла недалеко от котла, поглядывая на пол, поскольку опасалась, что крысы не выдержат и накинута на мои ноги. А патэрэн Павел все говорил.

– Лишь немногие поднимутся в небо, – говорил он. – Лишь нищих духом выдержит небесная твердь. Деусу создал этот мир в радость, Деусу низринул его в печаль. Лишь скорбные плотью выстоят перед гневом Его. Лишь те, в ком еще не остыла душа, услышат шепот Его. Деусу есть свет, есть надежда, есть воздух, и не успеет еще остынуть ваше тело, как души ваши, смешавшись с ветром, полетят в Его сияющие чертоги.

Думаю, что мало кто его тут понимал. Большинство просто присутствовали, держались из последних сил, они находились рядом и смотрели перед собой гниющими глазами, смотрели на свои руки, на свои ноги, те, кто понимал, кивали, другие же кивали, глядя на них.

– Многие из вас пали духом, – продолжал патэрэн, – многие впали в отчаяние. Многие не способны на отчаяние, многих нет, они съедены, как съедена земля севера «агентом V». Но те, кто еще стоит, помните – звезды гораздо ярче сияют со дна колодца! Вы умрете. Некоторые из вас не переживут и этот день и с последним выдохом сойдут во мрак и безмолвие, чтобы после беззвучной и бессветной ночи очнуться в Царствии Небесном!

Патэрэн замолчал. В этот момент я заметила, что он не обут. Стоит босиком. Он молчал довольно долго, потирал горло и морщился, а вся его искалеченная паства не знала, что делать, ждала, что он скажет дальше. Потом он поднялся с колен и сказал:

– Идите же. И не забывайте смотреть. В том числе и себе под ноги.

Передо мной будто неожиданно пришла в движение гравюра средневекового художника, изображавшего преисподнюю, ее самые глубокие круги, дно омута, куда со временем опускаются разорванные души, не пригодные даже к страданию. Они двигались медленно, некоторые размазывали каждое свое движение на несколько дерганных сегментов, другие, напротив, смещались рублеными рывками, все они громко и тяжело дышали, стонали и кашляли. Те из них, кто мог передвигаться относительно свободно, помогали другим, держали их под руки, вели и волокли, кроме того, они взяли тех, кто умер, и вынесли их с собой, освободив пространство. Профессор Ода вдохновился бы. Нет, точно, он пришел бы в восторг от этого макабра и отправился бы за всеми этими китайцами, чтобы вдоволь на них насмотреться.

Патэрэн заметил меня. Думаю, он заметил меня раньше, но не подал вида или, может, наблюдал, как и я за ним. Все удалились, в еkkлeсии остались патэрэн и странная женщина со сварочной маской на лице, впрочем, это мог быть и мужчина, трудно разобрать. Носитель маски вынес откуда-то приземистый стул с трех ножках, и патэрэн с облегчением уселся на него и улыбнулся. Я приблизилась.

– Здравствуйте, Сирень, – сказал патэрэн.

– Но...

– Не удивляйтесь, – махнул он рукой, – вам придется удивляться слишком часто, сохраните в себе это качество, не спешите его тратить.

– Хорошо, – согласилась я. – Но все-таки...

Человек принес медный таз с дымящейся водой, расположил его на полу перед патэрэном.

– Вы похожи на свою мать, – пояснил патэрэн. – Вы очень похожи на свою мать – глаза, волосы... Я давно не видел таких глаз.

Он опустил ноги в таз, поморщился.

– Присоединяйтесь, – предложил патэрэн. – Это безопасно. И полезно. Во всяком случае, приятно.

Я отказалась. Я не собиралась помещать свои ноги в горячую воду совместно с посторонними ногами, пусть даже это и давний знакомый моей мамы.

– Присоединяйтесь, – сказал патэрэн уже по-русски. – Пожалуйста.

Очередное удивление отразилось у меня на лице, и патэрэн это, конечно же, заметил.

– Нет-нет, – сказал он. – Не смотрите на меня так, я японец. Но я еще помню... Да, помню. И помню вашу мать. Так что мы можем поговорить, если хотите. Все-таки память – удивительная вещь...

Он вытянул рукава шахтерской куртки, погрузил в них руки и сложил на груди. Первый человек, который знал русский, от которого я его слышала. Кроме матери, разумеется, и кроме бабушки. Говорил он с заметным акцентом, но все равно говорил.

– Горячая вода – единственное, что эта земля дает даром, – пояснил патэрэн. – Пить ее нельзя, однако погреть кости можно. Наверное, этим я и держусь. Попробуйте.

Патэрэн придвинул таз поближе и велел принести стул; на стул я села, но греть ноги не собиралась, хотя патэрэн всеми силами демонстрировал, насколько это чудесно, закатывал глаза, причмокивал и развевал над тазом поднимающийся пар; вода была явно горячая, так как он то и дело выбирал из воды ступни и ставил их на бортик таза, и в конце концов патэрэн Павел вытащил из таза ноги и пошевелил красными пальцами и подмигнул, упорно соблазняя меня на эту процедуру.

– Спасибо, в другой раз, – отказалась я и стала снимать рюкзак. – У меня к вам поручение. Мама просила...

Патэрэн вернул ноги в таз, существо в маске сварщика стояло недалеко, не двигаясь и, кажется, не дыша. Из таза поднялся пар, точно вода в нем была холодная, а ноги патэрэна, напротив, чересчур горячими, запах серы снова усилился, он уже перебивал запах жженных костей.

– Горячая вода – это знак нам, – произнес Павел, – что в самую лютую стужу нам будет даровано тепло утешения. Тьма есть всего лишь низшая мера света, самая слабая искра уничтожает тьму. Попарьте ноги, Сирень.

Сварочная маска согласно кивнула, а меня это немного разозлило, я не сдержалась:

– Все, что вы говорите, – неправда. Зачем вы обманываете их?

– Ничуть, – помотал головой патэрэн. – Я их не обманываю, я даю им надежду в последний час. И кто знает...

Патэрэн улыбнулся шире, и я увидела, что зубов у него нет, ровные розовые десны, при всем при том он умудрялся говорить довольно чисто.

– Надежда, – усмехнулась я. – Где же вы видите здесь надежду? В серном кипятке, склизких камнях и сушеных водорослях? В горчичных ваннах?

– В наших сердцах, – ответил патэрэн. – И несомненно, в рении.

Патэрэн перешел на японский.

– Ну да, рений... – усмехнулась я. – Вы знаете, там, на сопке, меня дожидается мэтр Тоши, достойный человек в подгузниках. Я не увидела в нем никакой надежды.

– Рений, звездная медь... – как будто не услышал меня патэрэн. – Это проклятие и надежда оставшегося человечества. За каждый грамм его заплачено двадцатью тысячами душ, рухнувших в бездну. И цена будет расти с каждым днем, с каждым часом, это та цена, с которой придется смириться. Но это и надежда, конечно, надежда. Он был здесь, когда не было еще ничего, кроме кипящего газа, когда наша Земля напоминала малиновую каплю, плывущую в сияющем эфире...

Патэрэн замолчал, закашлялся, вынул ноги из воды, и ему тут же подали валенки. Павел поежился, ему тут же подали жестяную банку, и он долго в нее отхаркивался, а в промежутках рассказывал, в основном про свое, сверкающее и грохочущее, ну, про то, как Дэзусу Кирисито явится к нам во второй раз в огне и сиянии своей ярости, он и все его светлое воинство –

патэрен не сомневается – будут закованы в сияющую рениевую броню, вы увидите, обязательно увидите это, Сирень. Люди, работающие на обогачительных фабриках, пропитываются рением, и пусть они жили подлю и скверно, но само их тело несет в себе искру творения...

Я глядела на него с опаской, думая о том, что профессор Ода, разумеется, прав – нигде я не встречу столько необычных людей, как здесь. Путешествие едва началось, а патэрен Павел уже плевал в банку черной легочной грязью и рассказывал про паруса солнечных клиперов, которые рано или поздно заполнят небо, вот-вот, надо ждать и не забывать греть ноги.

Я вздохнула и огляделась.

– Не волнуйтесь, – успокоил патэрен, – я не сумасшедший, хотя меня многие хотят таким выставить. И я не стал язычником и не поклоняюсь Вулкану. Но в этом все-таки есть доля истины, как вы не понимаете?!

Это он почти выкрикнул и тут же протянул банку, в которую сплевывал свою мокроту зачем-то, но, видя мое безразличное сомнение, добавил:

– Возможно, это и есть пропуск в Царствие Небесное, вы поймите!

– Сомневаюсь, – сказала я. – Очень...

– Это же замысел! Это путь! Я давно его увидел! Пробить твердь и напомнить Ему о себе! Только так! Он любит, когда его удивляют.

Я улыбнулась. Все-таки сумасшедший, мама предупреждала.

– Вот, – улыбнулся патэрен. – Смотрите! Смотрите же! Звездная медь!

Он протянул мне на ладони небольшой кусок тусклого белого металла, по форме похожий на белемнит, по цвету вовсе на медь не похожий. Олово, возможно, чуть более блестящее.

– Не волнуйтесь, он не токсичен, – успокоил патэрен. – Токсичны агенты, с помощью которых его обогащают, здесь металл в связанном состоянии...

Тяжелый, пожалуй, тяжелее золота, и плотный. Он же дорогой, за этот кусок патэрен мог бы... вернуться домой. Вернуться к человеческой жизни. Вернуться.

Мама когда-то была в него влюблена. Когда-то он был социологом. Впрочем, какая разница? Он мог изучать античное искусство, или историю, или лингвистику. А теперь он, кажется, верит в близкое небо и в звездную медь.

– А, вы не верите, я вижу, – улыбнулся Павел. – Я вас понимаю, в наше время это тяжело, порой невозможно. Но ничего. Сразу не у всех получается... Спасибо тебе.

Он поднялся со стула и пошлепал босиком к выходу, разговаривая на ходу сам с собой. Дверей в экклесии не предусматривалось, Павел остановился на пороге:

– Спасибо твоей матери, что прислала тебя, ты – чудо, ты – радость глаз моих. Север близок, каждый день заполнен жестокими чудесами, я вижу их вокруг... но ты этого не понимаешь...

Я достала сверток из рюкзака, развернула бумагу. Свитер, красный. Патэрен Павел вдруг резко выхватил у меня свитер и стал надевать, спешно, лихорадочно, точно боялся, что я вздумаю забрать его обратно. Он надел его прямо поверх своей куртки и уселся на порог, выставив ноги, он продолжал бормотать, в уголках глаз поднималась пелена, патэрен Павел старался проморгаться через катаракту и шептал, втягивая голову в плечи:

– ... цель всего, Альфа и Омега, из каждого, проработавшего полгода на Кудрявом, можно извлечь полграмма... он оседает в легких, впрочем, как и золото. Администрации невыгодно, чтобы они возвращались домой, выгодно, чтобы они оставались здесь и догнивали оставшуюся пару лет в этой дыре. Потом трупы помещают в испаритель... Ну, дальше легко, вы понимаете, Сирень, вы же понимаете, каждый будет взвешен и найден слишком легким или слишком тяжелым, когда в твоих легких полграмма, вы понимаете – полграмма!

Те, кто приходил его слушать, поднимались по лестнице, медленно втягиваясь за сопку, как мусорная гусеница, как щупальце мертвого осьминога, кошмар жены рыбака.

Патэрэн поежился внезапно от налетевшего ветра, а я протянула ему слиток. Патэрэн поглядел на меня, узнал, поглядел на свои руки в свитере, забрал слиток. Кажется, он пришел в себя.

– Насколько я поняла, администрация острова не заинтересована возвращать рабочих в Японию?

– Не заинтересована, – кивнул патэрэн. – Это нерентабельно, рабочие есть одноразовый материал. В этом весь мой ужас... Знаете, у некоторых начинают светиться глаза...

– Но ведь насильно нельзя никого удерживать, – сказала я. – Рабочие заключают официальный контракт, в нем предусмотрено возвращение и льготы...

Патэрэн отмахнулся:

– Это все так, но... После четырех месяцев в промышленной зоне многие не могут покинуть остров. Я сказал «многие», но на самом деле их большинство. Посмотрите на них, – патэрэн указал пальцем вслед уходящим. – Посмотрите. Половина из них ходит под себя. Другая половина не может самостоятельно питаться. Третьи не помнят, кто они и зачем они. Они никому не нужны. Если физически они еще живы, то души их больны, в каждой по полграмма...

Патэрэн замолчал. Он вовремя спохватился и стал смотреть на меня. Он как будто уснул с открытыми глазами, улетел на свое четвертое небо. А потом раз – и очнулся, и снова здесь, и ноги озябли.

– Не печальтесь, – сказал он. – Не печальтесь, ваша мать не любила печалиться. И идите своим путем, главное – идите, идите.

– Но как...

Патэрэн Павел поймал мою руку и неожиданно поцеловал:

– Карафуту... Карафуту никому не нужен и ни для кого не интересен, зачем вам он нужен?

– Департамент Этнографии считает иначе, – возразила я, он сбил меня этим поцелуем, старый больной психопат. – Предполагается, что изучение состояния дел в южной части острова позволит заложить основу для дальнейшего развития промышленности и для рекультивации земель. Кроме того, моя миссия преследует гуманитарные цели – изучения положения дел ссыльно-каторжных, условий их заключения и окрестного быта для дальнейшей гуманизации...

– Да-да, – согласился он. – Смягчение нравов, это всегда. Думаю, у вас все получится.

Патэрэн улыбнулся, и мне почему-то расхотелось с ним спорить, уж тем более спорить о проблемах смягчения нравов. Я вообще его не понимала, такое всегда происходит, когда пытаешься общаться с сумасшедшим.

– Я, собственно, всего лишь наблюдатель. У меня нет задачи что-то менять, в моих силах лишь предоставить обществу... непредвзятую картину.

– А я, кажется, догадываюсь, зачем вы туда собираетесь. – Патэрэн натянул ворот свитера до подбородка. – Это достойное желание, да, я вижу... Посмотреть им в глаза, да, это достойно. Вы храбрая девушка, но вы не представляете, что там...

Я пожала плечами; разумеется, я не представляла, что там, в этом заключалось мое преимущество. Свежий глаз.

– Там ад, – сказал патэрэн. – Итуруп с его серой, жаровнями и живыми мертвецами – всего лишь преддверие инфэруно. Там ад. Я всей душой желаю, чтобы вы вернулись домой, но вы не вернетесь. Как и не повернете вспять. Храни вас Бог.

Патэрэн перекрестил меня и обнял и некоторое время не отпускал, положив голову мне на плечо; у него была горячая голова, я чувствовала это через толстую кожу макинтоша.

– Идите, – сказал он через минуту. – Идите, погода портится, а вы должны успеть.

Я хотела сказать ему, что моя мама просила передать...

– Спешите, Сирень, а мне пора звонить.

И как-то получилось, что я оказалась вдруг на каменной лестнице, и я отправилась по ней вверх, шагая по плоским ступеням, но прошла немного, потому что услышала, как меня вдруг зовет патэрэн, я остановилась и оглянулась. Он спешил ко мне, он подбежал и стал снимать с себя свитер.

Я попыталась его остановить, но патэрэн неожиданно взволновался: его речь сделалась невнятной, патэрэн перескакивал с японского на русский, жевал и ломал слова, и я уже никак не понимала это бормотанье. А он стащил с себя свитер, свернул его и протянул мне. Я не поняла зачем, снова и снова повторяла, что это подарок, но патэрэн не слышал, настаивал, протягивая этот злосчастный свитер, и когда патэрэн Павел вдруг заплакал, я свитер взяла. Он мгновенно успокоился и отправился к себе, а я осталась, стояла, опираясь на камень, и не понимала. Зачем?

Погода действительно стала портиться, к тому же стремительно – со стороны вулканов приближалась туча, и что-то мне подсказывало, что попадать под эту тучу не стоит. Я поднималась по лестнице, а за мной поднимался звон, и когда я оглянулась, то увидела, как патэрэн Павел бешено звонит в рынду.

Не знаю, от этого или от чего другого, но туча так и не перевалила через сопку, хотя дожидавшийся меня мэтр Тоши волновался и курил в наперстке канифоль, отгоняя от себя запах, оставшийся на камнях после того, как мимо проследовали прихожане Павла. Мэтр устал, он боялся дождя, но, видимо, патэрэн звонил в свой колокол слишком хорошо – туча, зависнув над сопкой и постреляв молниями, развернулась обратно. И, глядя на это, мэтр Тоши пришел в настроение и убедил меня все-таки посетить кладбище китов, и я не пожалела, что поддалась на его уговоры.

Биосистема острова Итуруп пребывала в статично-угнетенном состоянии: на суше практически отсутствовали растения выше колена, прибрежная полоса была безжизненна, поверхность воды покрывала серая мутная пена, сама вода... собственно, не вода, а жидкость, субстанция, состоящая из стоков коллекторов обогатительных станций и шламовых накопителей, из сора, пепла и кислоты, из бочек, бутылок и ящиков, она колыхалась с механическим звуком и распространяла аммиачную вонь. Воздух здесь пуст, ни чайки, ни крачки, ни другие пернатые не украшали его своими голосами и движением, впрочем, глупо предполагать, что птицы сохранились здесь, на окраине. Кстати, единственное пернатое существо, виденное мною в жизни, – престарелый гусь в Императорском зоопарке в Токио, да и тот, справедливости ради стоит сказать, был некогда реплицирован, периодически умирал от рака и периодически же был воскрешаем кудесниками Императорской медицинской академии; в теле гуся насчитывалось семь имплантов, в целом же процент имплантации не дотягивал до сорока процентов, что позволяло считать гуся живым. Иногда он даже немного летал.

На всякий случай я спросила, не наблюдали ли здесь каким-либо чудом птиц, на что мэтр Тоши ответил, что последнюю птицу он видел лет в семь-восемь, он тогда жил в Вакканае. Его отец служил дровотаском, а он помогал ему в меру сил. Однажды на побережье вместе с плавником вынесло мертвую гагару, отец, опасаясь, что их обвинят в убийстве пернатого, велел маленькому Тоши молчать и закопал птицу в полосе прибоя. С тех пор птиц мэтр Тоши не видел, зато кладбище китов у них здесь выдающееся, вот здесь, рядом.

Кладбище китов меня не разочаровало. На относительно небольшом куске пляжа море собрало, по моим подсчетам, около пятидесяти мертвых китов, то есть их скелетов. Они выглядели как в старых романах про забытые берега и псоглавцев, их населявших: выглаженные ветром, изъеденные дождями и выбеленные солнцем кости и черепа морских исполинов лежали на черном песке и ничего не делали; мэтр Тоши при виде всех этих останков пришел в волнение духа и стал подробно рассказывать об этих скелетах, как о своих друзьях.

Его неожиданное воодушевление было так велико, что я не решилась прервать его, и мы ходили по кладбищу около двух часов, в течение которых мэтр Тоши рассказывал о породах китов, об их возрасте, о том, что вот это кашалот, а вот это косатка, а вон полосатик, который умер от опухоли на позвоночнике. Под конец нашей экскурсии мэтр уселся на огромный череп и признался в том, что он мечтает умереть как можно скорее и быть сброшенным в море, хочет, чтобы рыбы и крабы объели его бестолковую плоть и очистили суть и чтобы его скелет вынесло вот сюда, на этот древний пляж, чтобы лежать рядом с этими костями, ведь он, мэтр Тоши, ценит удаленность, одиночество для него есть безусловное блаженство, так он и сказал.

Произнеся это, мэтр Тоши безобразно утратил лицо и стал плакать и бормотать о том, что в его мечтах у него нет никаких надежд и иллюзий, мэр не исполнит его посмертное желание, что мэр погряз в казнокрадстве и коррупции, у него есть неопровержимые доказательства, он собрал их в тетради...

Мэтр принялся копаться в своей одежде и извлек из нее пухлый, грязный блокнот красного цвета, протянул мне. Я не хотела его принимать, но мэтр Тоши почти насильно всунул его мне в руки, уверив, что в блокноте достаточно доказательств для отстранения мэра и предания его рукам правосудия, что правда должна восторжествовать.

Мне ничего не оставалось, кроме как пообещать донести до официальных лиц Департамента блокнот и скрытую в нем жгучую и выстраданную истину. После этих слов мэтр Тоши успокоился и на обратном пути к порту по большей части молчал, и лишь в порту он отчего-то опять растрогался, стал хлюпать носом и под конец тоже подарил мне золотую ложку.

Таким образом, на «Каппу» я вернулась во второй половине дня, тем самым пропустив погрузку смены и избавив себя от лицемерия отработавших на Кудрявом и других предприятиях Итурупа свою долгую смену.

По возвращении помощник капитана предложил мне согревающего чая из сушеных древесных грибов, но я отказалась: мне требовалось время, чтобы осмыслить увиденное и услышанное. Я устроилась на койке и стала думать. Они были немолодые, нездоровые, с тяжелым дыханием и слабонервные, впрочем, возможно, это от возраста, с годами многие становятся слезливыми и сентиментальными, сам профессор Ода иногда бывал таким, что можно ожидать от людей, у которых в легких полтора грамма... то есть полграмма мерцающей звездной меди.

Я закрыла глаза и сразу почему-то увидела патэрена Павла; он стоял там, возле самой экклесии, и бил в колокол, и на патэрене горел красный свитер, который я видела издали, причем я одновременно видела, что этот свитер лежит в кресле моей каюты, и опять же видела, как моя мама сидит у печки и вяжет этот самый свитер, наверное, из-за этого я поняла, что это сон. В этом сне была еще и вода, и какие-то птицы, не могла разглядеть, наверное, я бы их в конце концов разглядела, но тут закричали. Кричали долго, с дурной животной настойчивостью, а я все пыталась зацепиться за свой спокойный сон, но уже понимала, что это невозможно, что скоро я проснусь; и когда крики стихли, я проснулась и выглянула в коридор.

Возле каюты моего соседа-каторжанина стояли трое: матрос, суперкарго и помощник капитана. Матрос и суперкарго курили, а помощник капитана фиксировал что-то в черном блокноте. Оказалось, что Ину покончил с собой. Я не знала, как на это реагировать, и сказала, что мне, наверное, жаль.

Помощник капитана отмахнулся, заметив, что так ему будет гораздо лучше.

— Он был торговец зонтами, — с презрением сообщил помощник, — галантереей и плетеной мебелью. А потом убил молотком свою жену и ее мать. Он бы все равно никогда не вернулся домой. Для него это лучше, на каторге не любят женоубийц. К тому же он шел на «Легкий Воздух», так что тут ничего удивительного нет.

Я поинтересовалась почему, помощник ответил, что те, кого определяют в «Легкий Воздух», частенько предпочитают не затягивать дело и разбираются с собой еще по пути к острову, едва узнав, куда их распределили. Я спросила, разве «Три брата» не самая страшная из тюрем

Сахалина, ведь именно про нее ходят наиболее жуткие слухи, именно она окружена множеством легенд, фантазий и домыслов; на это помощник капитана лишь усмехнулся.

А еще я поняла, почему Ину. В стену каюты был вварен крюк, к которому крепились цепь. Цепь обхватывала шею каторжанина, эта же цепь и свернула набок его голову. Рядом на полу стояла железная миска, в которой узнику раз в день подавали еду.

Его смерть не расстроила ни помощника Тацуо, ни остальных членов команды, наоборот, вызвала среди них некоторое оживление. По правилам требуется бросить труп в катализатор, но боцман со вторым помощником, предварительно выписав надлежащие бумаги и доложив капитану о проведенной санации, спустили тело в трюм, где положили его в ящик с солью. На мой вопрос, зачем это нужно, помощник ответил, что по прибытии на Сахалин он обменяет труп у корейцев на экстракт клоповки – целебного средства, за которое по возвращении домой можно выручить неплохую сумму. Насколько я поняла, укрывательство трупов является частой практикой, потому что, по рассказам помощника, у них в ящиках всегда есть несколько мертвецов для обмена. Когда я спросила, зачем нужны трупы корейцам, боцман и помощник расхохотались, помощник же капитана посоветовал мне не забивать голову всякой ерундой, самоубийства случаются каждый рейс в количестве двух штук, а иногда и чаще, так что думать про это не стоит, вместо этого лучше отдохнуть, а трупы пусть отойдут к трупам. Я вернулась в свою каюту, но уснуть так и не смогла – лежала, смотрела в окно. Курильск мы покинули поздним вечером, успев выскочить в море до наступления сумерек, до того, как с вулканов начал сползать смог и ночная мгла полностью поглотила остров.

Не знаю, как так могло получиться, но я умудрилась проспать пролив Лаперуза во второй раз.

Монерон

Разглядывая остров сверху, я пыталась представить там себя.

Профессор Ода, пользуясь связями, сохранившимися со времен его службы в силах самообороны, раздобыл старый атлас, изданный еще до Войны. Естественно, никаких выходных данных, но, без сомнения, съемки довоенные – после Войны и уничтожения орбитальной спутниковой группировки картография откатилась на столетие назад и, судя по всему, обратно в обозримом будущем не поднимется, так что эти карты лучшее, что удалось найти.

Карты действительно были хороши; вооружившись лупой и устроившись в кресле на веранде, я изучала остров; снимки в разрешении Н, сквозь выпуклое, теплое и чуть желтоватое от старости и пропахшее табаком увеличительное стекло я наблюдала жизнь, какой она была много лет назад.

Остров Сахалин был зелен и покрыт дорогами, я глядела сверху на солнечные города, на праздничные улицы с развевающимися флагами, на машины, спешащие по своим неотложным делам, на детей, гуляющих с шариками, на ручьи, на мосты, на разогретые крыши, на просторные площади, на рыб, которыми кишели ручьи и реки, тысячи и миллионы рыб, стремящиеся к жизни и к смерти.

Там, внизу, под выпуклым стеклом, сияло лето. На площади, похожей на косую звезду, на широкой поляне среди ярких красных цветов отдыхали люди, некоторые сидели, другие лежали и читали книги, и рядом синел пруд, и вокруг бежала железная дорога. А рядом с цветущими кустами шиповника на красном клетчатом пледе лежала девушка и смотрела из-под ладони в небо. Снимок четкий и резкий, я видела лицо этой девушки, и мне представлялось, что она показывает язык.

Я изучала атлас и схемы, измеряя расстояния, вчитываясь в русские названия и сверяя их с японскими на старых и новых картах. На месте канувшей в атомную Лету Сахалинской области давно восстановлена префектура Карафутто, но это название используется исключительно в официальных документах и на академических картах. На практике большинство населенных пунктов Северных Территорий сохранили названия, которые они имели до Войны. Если честно, меня всегда занимал этот парадокс, я пыталась выяснить причины этого топонимического перекоса, но без какого-то внятного результата, в каждой из версий имелся изъян.

Отец говорил, что тут все понятно: после Войны японцам больше не требовалось доказывать приоритет на Северные Территории, и интерес к этой теме упал, вплоть до того, что на уровне Императора было решено сохранить все прежние топонимы в качестве исторического назидания, в качестве напоминания о бренности сущего. Император-де, когда ему предложили проект переименования, улыбнулся и сказал, что до тех пор, пока жив хоть один русский, названия будут сохранены.

Мама утверждала, что это из-за чувства исторической вины. В первый день Войны Россия прикрыла Японию, перехватив стартовавшие баллистические ракеты Ким Ын Юна и расстреляв снаряды, направляющиеся в шахтах и на стартовых столах. После Недели Огня, уничтожившей Европейскую Россию, Западную Сибирь, Китай и Северную Америку, после того как на континенте вспыхнуло мобильное бешенство, Япония ввела режим изоляции, и силы самообороны в течение трех месяцев только в Татарском проливе сожгли и пустили ко дну около пятисот судов под российским флагом. Когда же бешенство охватило все побережье, территория Хабаровского края была санирована с применением ядерного и химического оружия. По самым скромным подсчетам, тогда погибли около восьми миллионов человек, не считая китайцев. В память об этом и чтобы не гневить духов, русские названия городов, рек и островов были сохранены, а всем русским беженцам, уцелевшим в Войне, назначили усиленный

паяк. По данным нашего департамента, на сегодняшний день на территории Империи находилось порядка семнадцати этнически русских. Все они проживали на острове Сахалин.

Мой коллега, инженер отдела приборного сканирования Ясуда, объяснял это топонимическое противоречие несколько иначе, скорее в духе средневековых романов: якобы отец нынешнего Императора, тогда еще наследный принц Ясухито, в пору своей военной службы провел восемь лет на базе сил самообороны в Анивском заливе. В то время на Сахалине еще жили относительно многочисленные русские, в начале Войны спасшиеся с материка, и якобы принц был влюблен в девушку Аню, дочь погибшего гвардейского генерала. Но Аня умерла, так и не оправившись от всех ужасов, через которые прошла их семья во время Амурской резни, учиненной дезертирами корейской народной армии. Принц, ставший впоследствии Императором, в память о своей возлюбленной велел сохранить все русские названия Сахалина. Кстати, именно с принца Ясухито и его «Закона об исключении» пренебрежительное и несколько презрительное отношение к корейцам стало нормой в нашем обществе, никто без особой надобности не унижит себя прямым общением с корейцем, нахождение в обществе корейца вызывает у большинства подданных Императора дискомфорт и желание отдалиться. В крупных городах даже существуют общества корейского презрения, содержащиеся исключительно на добровольные пожертвования.

Нельзя не вспомнить также предположение известного антрополога Исами Като, озвученное им на юбилейной тридцатой конференции Императорской Академии Наук. Профессор Като полагал, что сохранение за Северными Территориями прежних названий есть не что иное, как проявление своеобразной охранительной магии. Северные островные земли хотя отныне и входят в Большой кадастр в качестве исконных территорий, но в метафизическое пространство Империи до сих пор не включены в силу того, что территории префектуры Карафутто не были приобретены надлежащим путем – ни завоеваны силой оружия, ни присоединены мощью экономики, ни отторгнуты хитростью дипломатии. Они достались без усилий, без видимых жертв, в качестве куска, отвалившегося от великой страны, а следовательно, сакрально они не могут являться полноценным уделом Императора. Это пограничные территории, вымороченные и малоначальные, даже географически пребывающие на рубеже между Японией, удержавшей огонь цивилизации, и материком, погрузившимся в пучину хтонического хаоса. Отсюда проистекает некоторое инстинктивное нежелание сообщать (или пусть возвращать) этим землям японские названия, Император, как всегда, мудр и смотрит вперед, смотрит гораздо дальше, чем мы, да здравствует Реставрация.

Кстати, профессор Като, достойный престарелый магистр, узнав о том, что мне все-таки удалось добиться разрешения на посещение Сахалина, просил в письме собрать как можно больше свидетельств наличия или, напротив, отсутствия на острове проявлений явной духовной жизни; профессор же Ода, узнав об этой просьбе, назвал своего коллегу пошлым дурнем и советовал не занимать голову этим бредом. Сам же Ода полагал, что подобная топонимическая политика не связана ни с духами, ни с прочей мистикой; по его мнению, за последние пятьдесят лет менталитет японцев претерпел изменения, причем такие, которые не претерпевал и в эпоху открытия Японии в веке девятнадцатом. В частности, ирония, ранее присущая лишь японцам высоких сословий, сейчас стала одной из самых заметных черт национального характера, причем эта ирония, как и прочие семена, попавшие на послевоенную японскую почву, проросла причудливыми, необычными, отчасти больными цветами. Чем еще можно объяснить сохранение старых названий и дичайшую для японца начала века практику присвоения кораблям, самолетам и прочей технике откровенно американских имен? Именно поэтому Холмск есть Холмск, а не Маока, и воды Татарского пролива бороздит не «Хаябуса», а «Энола». В качестве доказательства профессор Ода предъявлял уличного пса Джейфа, наглого попрошайку, с утра до вечера болтавшегося по кварталу и своим жалким видом добывавшего пропитание. Пес был

в своей стезе так хорош, что разожрал такое здоровущее пузо и на некоторое время лишился мизерабельности и подаяний.

Кстати, путешествие по Сахалину я планировала начать именно в Холмске, который сейчас считается административной столицей острова, Южный же, хотя и является самым густонаселенным городом, управленческих функций лишен. Оттуда я намеревалась направиться на север, в мои планы входило посещение трех действующих на территории острова каторжных тюрем, беседы с чиновниками, военными и каторжанами, описание экономики и, если ее можно так назвать, социальной сферы, одним словом, составление путевых записок и собирание впечатлений, хлеба прикладной футурологии.

Я предполагала, что уже сегодня вечером смогу ступить на землю префектуры Карафуту, однако выяснилось, что между Итурупом и Холмском наше судно должно посетить еще одно место. После полудня помощник капитана Тацуо постучал в дверь и позвал на палубу – «Каппа» вошла в Татарский пролив. Помощник капитана, его упоенная самовлюбленность и архаичная привычка помазать волосы успели мне сильно надоесть, и я даже подумывала его немного покалечить, но, выйдя на воздух, забыла об этом.

Стояла прекрасная погода, солнечная и спокойная, практически безветренная, не подразумевавшая лишней суеты, не располагавшая к взаимодействию с помощником Тацуо. Воздух был прозрачен и чуть горьковат, вода напоминала желе, на ее поверхности не играли блики, я прищурилась и смогла разглядеть ярких морских звезд на дне и длинные полосы морской капусты, они привычно напомнили косы русалок, ничего не поделать, некоторые вещи могут напоминать только то, что могут.

Я посмотрела на запад, в сторону континента, и на мгновение показалось, что я его вижу – над тонким горизонтом поднимались тяжелые и темные фата-морганы, то ли отражения берега в небе, то ли тучи, то ли гарь от все еще пылающих лесов; между «Каппой» и невидимым берегом белела «Энола», она, как щепка, балансировала на переломе горизонта и была наготове. На северо-востоке в легкой неправдоподобной дымке плыл близкий Сахалин, он выглядел неожиданно зелено и нарядно, после слов патэрена Павла я ожидала увидеть нечто другое, впрочем, это мог быть обман зрения – впечатление от солнца, утра и чистого воздуха, навалившегося на меня после душной каюты.

Перед нами же лежал Монерон, большой камень, оброненный здесь в суматохе творения; при ближайшем рассмотрении создавалось впечатление, что остров шевелится, его поверхность была подвижной и живой, сначала я подумала, что мне это почудилось.

Помощник капитана не вдохновлялся воздухом и ветром, он уныло продолжал оказывать неловкие знаки внимания, однако в этот раз не пытался впечатлить меня ни саблей, ни сверкающим кителем, ни бравой выправкой, а неожиданно подарил небольшую книжку – «Путеводитель по островному региону». Она была издана в карманном формате почти сто лет назад, за это время основательно обтерлась и скруглилась, но бумага оставалась плотной и сохранной, буквы расползались лишь по краям страниц, текст оказался пригоден для чтения, я открыла нужную страницу и, пока «Каппа» аккуратно приближалась к острову, прочитала две страницы про Монерон. По мере приближения становилось понятно, отчего остров казался живым.

Его заполняли китайцы. На первый взгляд казалось, что они занимали половину острова, но это, разумеется, было не так – просто китайцы плотно сгрудились на пологом берегу у залива, к которому подтягивалась «Каппа». Удивительное зрелище. Нет, мне и раньше случалось видеть большое скопление людей, например, на праздники на площадях собирались десятки тысяч, но здесь...

Помощник капитана протянул бинокль, но я не хотела смотреть на китайцев. Помощник же, ходивший по маршруту Вакканай – Курильск – Холмск четыре раза в год, отметил, что в этот раз беженцев на Монероне меньше, видимо, в силу суровой бесснежной зимы. Я заметила, что для пережидания зимы на берегу нет ни барачков, ни палаток, ни каких-либо других

обиталищ. Помощник капитана Тацуо сказал, что зиму здесь переживают в норах и землянках, что, безусловно, играет положительную карантинную роль – к моменту эмиграции на острове остаются самые здоровые и выносливые, готовые лицом к лицу встретиться с Сахалином. Кроме того, к Монерону прибывает большое количество разнообразного морского сора, который осенние и зимние шторма исправно загоняют в Татарский пролив; ожидающие эвакуации с Монерона мастерят из этого материала самые удивительные вещи, так, например, некоторые умудряются плавить пластиковые бутылки, распылать их в вату и из этой ваты шить ватники. По слухам, на острове есть и постоянные жители: семья, обитающая в старинных бункерах и от долгих лет пребывания на Монероне утратившая человеческий облик.

Помощник Тацуо ухмыльнулся и немедленно рассказал, что тут утрачивают человеческий облик достаточно быстро, большинство же высаживается здесь уже безо всякого облика, в частности на Монероне процветает... Помощник капитана ухмыльнулся чересчур доверительно, так что я испугалась, что сейчас он сообщит особо омерзительные детали и поведает о разнузданных повадках островитян, но, к счастью, его оборвала сирена, которая вызвала на берегу серьезное оживление. Помощник Тацуо от сирены поперхнулся и теперь кашлял, сплевывая за борт мокроту, а я смотрела на Монерон.

Несмотря на лето, остров был желт и местами черен; я спросила у помощника, отчего здесь не держится растительность, ведь и на выжженном Итурупе она прозябала по берегам ручьев. Тацуо, отплевавшись, снисходительно усмехнулся и объяснил, что всю случайную траву, лишайники и прибрежные водоросли переживающие зиму съедают подчистую, так что остаются лишь камни, землю с Монерона съели давно, сейчас там вылизанный камень, причем сидящие на острове умудрились обглодать старую часовню, построенную из красного кирпича.

Сирена снова проревела, и шевеление на острове усилилось, китайцы сгрудились у берега, отчего возникло ощущение, что остров накренился и вот-вот зачерпнет воды. Помощник Тацуо засмеялся, сказал, что это самое смешное – когда они все бегут и давят друг друга, а если в этот момент чиркнуть с кормы пулеметиком, то станет еще смешнее.

Я думала, что мы подойдем ближе к берегу, что будут спущены лодки или плоты, но этого не произошло, наш сухогруз развернулся бортом к острову, и почти сразу все началось. Первыми в воду бросались женщины. У каждой в руках пустые пластиковые бутылки, держась за них, женщины плыли к «Каппе».

Видя мое удивление, помощник принялся пояснять ситуацию; то и дело он указывал пальцем и снова пытался всучить бинокль, но он опять нагрел его своим лицом, и я отказывалась, тогда он стал предлагать мне пулемет, и я не могла понять – всерьез или нет, поскольку команда внезапно вооружилась ручными пулеметами, а помощник Тацуо бубнил, что, если я захочу, он быстро сбегает в оружейку и принесет буллпап, отличную машину, изящную, тонкую, калибр небольшой, но пули с урановыми сердечниками, секут, как гвозди...

Меня немного затошнило. Эти женщины слишком старательно плыли к нам, слишком усердно, от этого почему-то тошнило. Их движение, наполненное животной силой, выглядело неприятно, впрочем, вполне могло стать, что тошнит меня от близости помощника капитана, который тяжело дышал рядом и рассказывал.

На сегодняшний день там, в Татарском проливе, дежурит порядка пятидесяти разных судов, обеспечивающих режим изоляции, в основном это катера и переоборудованные рыболовные сейнеры, которые ежедневно вылавливают в проливе беженцев с материка. Этих беженцев до сих пор много, хотя и не так, как раньше. Большинство из тех, кто пытается спастись с материка, – мужчины, женщин гораздо меньше, еще меньше детей, которых, разумеется, сразу же отправляют в Японию. Остальные же свозятся на Монерон, в карантинную зону, откуда по мере заполнения острова, но не чаще чем раз в три месяца, их собирают идущие в Холмск суда.

Первое время эвакуация с Монерона осуществлялась бесконтрольно, однако скоро администрации префектуры пришлось вмешаться, поскольку женщины на острове не выживали,

а префектура заинтересована прежде всего в женщинах. Поэтому вводилась определенная квота, и отныне эвакуация осуществлялась в соотношении один к десяти, то есть для того, чтобы эвакуировать десять мужчин, надлежало поднимать на борт одну женщину, выживаемость женщин на острове повысилась, поднимать же на борт их надлежало первыми, вот они плывут, смотри.

К помощнику капитана приблизился незнакомый судовой офицер, и они стали делать ставки, кто доплывет первым, и кричали, подбадривая своих фавориток. Помощник капитана Тацуо выиграл.

Женщин подплыло к судну, думаю, не меньше пятидесяти; волны качали их, и было слышно, как стучат о сталь «Каппы» пластиковые бутылки и головы. В воду сбросили грузовую сеть, и женщины тут же стали торопливо по ней карабкаться, они переваливались через борт и, тяжело дыша и выплевывая воду, лежали еще некоторое время на палубе; к каждой подходил судовой врач в резиновом костюме, совершал осмотр, глядел в глаза, в рот, в уши, после чего матросы пинками загоняли счастливиц в трюм. Некоторые из женщин обессилели настолько, что сами влезть по борту не могли, они едва приподнимались над водой, как тут же обрушивались обратно, теряя силы с каждой попыткой; команду «Каппы» это очень веселило, они подбадривали беженку плевками и оскорблениями. Когда оставшие лишились сил и стали просто болтаться в воде, держась за веревки, всех сразу подняли краном, в сети, и, подвесив над трюмом, высыпали в люк.

«Каппа» дала два длинных гудка – это означало, что пришла очередь мужчин, и тут же все, собравшиеся на берегу, поплыли к нам. Я отметила, что беженцы не только соревнуются в скорости, направляясь в сторону нашего корабля, но по пути еще активно убивают друг друга, используя для этого кулаки и камни. Помощник капитана Тацуо пояснил, что мужчин всегда больше, чем требуется, поэтому каждый, кто плывет, знает, что его место может быть занято другим, и стремится при первой же возможности этого «другого» нейтрализовать, освободив жизненное пространство для себя.

Мужчины добрались до сухогруза быстрее женщин: они уперлись в борт и стали стучать в него кулаками, дружно и настойчиво, так что я, стоя наверху, почувствовала их силу и злость и невольно представила, что может быть в том случае, если они выйдут из повиновения. Вряд ли их остановят пулеметы. Но такое, конечно, маловероятно. И даже не из-за пулеметов. Бегущие с материка знают, что уйти на сухогрузе – единственный шанс, и разменивать его они не собираются.

«Каппа» качнулась, и начался подъем, мужчины действовали деловито и самостоятельно, взбирались по сети, подбегали к доктору, открывали рот и выпучивали глаза, спрыгивали в трюм. К трюмным люкам тотчас устремились матросы, одни зажигали вонючие санитарные фейеры и кидали их вниз, а другие, вооружившись лопатами, разбрасывали над головами вновь прибывших белый антисептический порошок. Все происходило слаженно и отработано, погрузка продолжалась.

Вода вокруг «Каппы» кипела китайцами. Они бултыхались возле борта, кричали, убивали друг друга, гроздьями висли на сети, продолжали переваливаться через борт, их было так много, что они не успевали спускаться в трюмы, и скоро вся палуба оказалась заполнена мокрыми беглецами. Я смотрела. Помощник капитана Тацуо, видимо желая произвести на меня очередное впечатление, выхватил револьвер и застрелил несколько китайцев, практически достигнувших цели, но это не остановило прочих, они продолжали и продолжали наступать.

Неожиданно сухогруз дал несколько резких гудков, матрос, стоящий справа от меня, поднял пулемет и дал длинную очередь в воздух; помощник капитана пояснил, что «Каппа» приняла на борт порядка тридцати тонн китайцев, и больше принимать не станет, поскольку сухогруз в его нынешнем состоянии рассчитан только на такое количество.

Однако беженцы не думали униматься, они лезли и лезли по сети, и тогда матросы стали стрелять уже не в воздух.

Холмск

Холмск поразил меня своими значительными размерами, грязью и бросающейся в глаза нищетой. Некогда относительно небольшой портовый город расплзся по окружающим сопкам и холмам, занял все побережье и теперь решительно походил на огромную кучу отбросов. Перед началом путешествия я использовала наш семейный доступ к закрытым фондам библиотеки Императорского Университета, где смогла ознакомиться с обширным корпусом литературы, посвященной Тихоокеанскому региону и бассейну Охотского моря, в частности, в моем распоряжении были фотографические альбомы, созданные в самом начале века. В девятнадцатом и двадцатом веках Холмск выглядел аккуратно и привлекательно, теперь же все изменилось в худшую сторону; город одряхлел, выцвел и замшел, не осталось и следа от той веселой зелени, что некогда издали приветствовала мореплавателей и дарила отдохновение их глазам и душам, исчезли аккуратные постройки, сопки, казалось, просели сами в себя, небо над городом приобрело неприятный горчичный цвет, впитав в себя дым и гарь.

Грузовой порт выдвинулся далеко в море пирсами и волноломами, многочисленные башенные краны напоминали любопытные скелеты, угольные терминалы походили на инструменты трудолюбивых великанов, суда, ждущие погрузки, терялись на фоне терриконов и выглядели игрушками; вся эта индустрия размещалась безо всякого явного плана, практически друг на друге, она дымила, лязгала, выпускала пар и ревела сиренами, и было удивительно, что все это работает.

Сам город точно высыпали сверху из жухлого мусорного мешка; в нагромождении кособоких рыжих халуп и двухэтажных, составленных из металлических морских контейнеров барачных не просматривалось никакой планомерной застройки; в этой бесхозной россыпи серело несколько крупных зданий-пугал, оставшихся от прежних времен.

Я настроилась на долгое и томительное ожидание в бухте, однако, к моему удивлению, все случилось достаточно быстро – «Каппа» причалила к бетонному пирсу, помощник капитана, сопроводивший меня до контрольного поста, посоветовал держаться осторожнее и напомнил, что через три месяца, перед самым началом зимы, судно снова придет в порт Холмска. Кроме того, он пообещал, что закроет мою каюту, и я, если имею лишние вещи, могу их без опаски оставить, никто в нее не войдет до моего возвращения. Перед самым постом помощник покраснел, сказал, что он знает в порту приличное заведение, там подают салат из гребешков, выращенных на изолированных фермах, очень неплохой салат. Я попросила напомнить, как его зовут, и он, конечно же, обиделся.

Сразу за контрольным пунктом меня встретил чиновник из островной администрации, господин Т.; я, кажется, вызвала в нем скорбные чувства – он осведомился, захватила ли я оружие для случая самообороны. Я ответила, что оружие есть, и, распахнув макинтош, продемонстрировала пистолеты. Господин Т. не сильно успокоился и тут же, прямо в порту, надел мне на левую руку браслет, дающий право на ношение и применение револьверов, пистолетов и автоматического оружия на территории префектуры и в трехмильной прибрежной зоне; браслет выглядел уродливо и обхватывал запястье чересчур плотно.

– Ношение и хранение огнестрельного оружия на острове строго запрещено, – пояснил господин Т. – Любой, нарушивший положение, подлежит немедленному уничтожению без расследования. Разумеется, на свободных подданных императора этот запрет не распространяется, но формальности должны соблюдаться, это остров. Вам, как путешественнице, иметь оружие надлежит обязательно. Да, наши китайцы безропотны и безобидны, однако среди каторжных имеют место случаи бегства.

И господин Т. рассказал, что весной из Александровской тюрьмы бежали шестеро заключенных, которые впоследствии три месяца терроризировали население, творили насилия, гра-

бежи и иные бесчинства; что для их поимки пришлось снять команду с миноносца. Побег, по словам господина Т., явление регулярное. Однако каторжные бегут не от непереносимых условий, от жажды воли или от тоски по дому, а в основном из-за своих дурных наклонностей. Остров закрыт так надежно, что за все время изоляции и существования каторжных тюрем не было зафиксировано ни одного подтвержденного случая удачного бегства. Бегут не для свободы, а для того, чтобы погулять. Как правило, такие побег заканчиваются зверствами, творимыми беглецами над поселенцами, поджогами имущества, прочими злодеяниями, нападениями на посты береговой охраны, уничтожением коммуникаций.

Обычно в таких побегах участвуют несколько каторжных, причем практически всегда это бессрочные, сосланные на Сахалин без права возвращения на родину и пребывающие в каторге до состояния недееспособности. Те, кто прислан отбывать каторжные работы на десять, пятнадцать и двадцать лет и имеют надежду перейти в состояние ссыльных, бегут редко, причиной их побега в основном становятся тяжелые условия содержания, изнуряющие работы и притеснения со стороны тюремных надзирателей. Впрочем, имеются и так называемые «регулярные беглые» – каторжники, отправляющиеся в бега в начале лета и возвращающиеся к наступлению первых холодов; тюремная администрация выписывает такому полсотни ударов палками и отправляет на месяц в карцер, после выхода из карцера каторжный живет как ни в чем не бывало и потихоньку готовится к новым странствиям. Такие беглецы не чинят безобразий над поселенцами, а бродяжничают по острову, иногда добираясь до северных его районов, промышляют собирательством и мелким воровством. Обычно они не опасны. Но вот беглецы из первой категории отчаянны и зачастую кровожадны, так что господин Т. настоятельно рекомендует держать оружие при себе и днем, и ночью.

– Завтра мы предоставим вам охрану, сегодня же вам лучше воздержаться от прогулок по городу без сопровождения.

Господин Т. позвал рикшу, мы погрузились в довольно опрятную велотележку, и рикша бодро потянул нас прочь из порта, в гору, на холм, где раскинулся японский квартал. Рикша попался старательный и расторопный, бежал быстро, но плавно, умело огибая колдобины и ямы, так что я смогла осмотреть город без особого дискомфорта.

Если закрыть глаза на обильное китайское население и нищету, Холмск мало чем отличается от безобразных приморских городков, во множестве разросшихся в последнее время в наших западных префектурах. Порт и прибрежная индустриальная полоса, за ней жилой сектор, затем холмы с домами подданных первых категорий. Город густо и сверх ожидания населен, смраден и тесен, в нем не видно следов использования электричества, дороги скверны, движение бессистемно, что, однако, не препятствовало нашему продвижению, – встречные китайцы расступались, снимали шапки и кланялись, а если кто умудрялся заезжаться, рикша загодя предупреждал его свистком.

В пути господин Т. рассказал про Холмск. Про то, что город развивается в соответствии с утвержденным планом, строится порт, крупнейший на острове, он обеспечивает около восьмидесяти процентов грузоперевозок, восстановлена ведущая на север железная дорога, запущен проект по разработке и вывозу оставшихся плодородных почв, одним словом, индустрия на подъеме, если нужны данные, он может предоставить. Я спросила насчет населения, господин Т. ответил, что население стабилизировано ориентировочно на полутора миллионах, и есть еще ресурсы по сокращению; впрочем, увеличение численности администрацию префектуры не пугает – здешние инженеры разработали технологию обогащения земли питательными элементами и прессования ее в питательные брикеты, что отчасти снимает продовольственную проблему. Индустрия растет поступательно, в частности, два года назад запущена и успешно функционирует модельная электростанция, работающая на сушеных мертвецах, пропитанных отработанным торфяным маслом. Эта электростанция обеспечивает энергией четыре рыбных садка и освещает центральную улицу. Точных данных о количестве смертности, равно как и

рождаемости, у господина Т., по понятным причинам, нет, однако каждый год только из Холмска в Японию отправляется примерно двенадцать тысяч условно пригодных к труду лиц в возрасте до двадцати лет, что превышает норму в полтора раза, если экстраполировать это на примерное число женщин фертильного возраста...

Наша коляска катилась по однообразным нешироким грязным улицами; когда-то они были чисты и просторны, и возможно, здесь росли деревья; сейчас же все это сгинуло, улицы сузились под натиском полутора миллионов китайцев и корейцев, пришедших сюда с континента, по сторонам высились бараки с многочисленными пристройками, надстройками, переходами и дверями, в которые с трудом протиснулся бы взрослый человек, походившие, скорее, на обиталища насекомых, а не на человеческое жилье. Лишь иногда сквозь убогую личину новой жизни проступали очертания прежнего – красивый дом с полукруглыми окнами и свободной крышей, высокое трехэтажное здание, выкрашенное неожиданно розовой краской, водонапорная башня, в баке которой размещалось нечто похожее на обсерваторию.

Коляска мягко покачивалась на рессорах, господин Т. монотонно бубнил про вывоз рабочей силы и строительство третьей очереди опреснителя, я же после недели на борту «Каппы» почувствовала усталость и близкий сон, однако старалась держаться и проявлять вежливый интерес к рассказам сопровождающего. Думаю, рано или поздно я бы уснула, но внезапно послышались крики, и рикша остановился, в испуге обернувшись на нас; господин Т. рассердился, несколько раз хлестнул рикшу по шее и отчитал его за неверно выбранный маршрут.

– Извините меня, – вздохнул господин Т. – Я совершенно забыл, что сегодня надо держаться подальше от площадей. Но теперь уже поздно отворачивать.

Отступить было действительно нельзя – толпа прибывала, выдавливаясь из домов и проулков, я никогда не видела столько китайцев. На нас они старались не смотреть, огибали, оставляя между собой и повозкой просвет, спеша вперед, где между строениями просматривалось свободное пространство.

– Что там происходит?

Рикша улыбнулся и несколько раз кивнул.

– Это некий обычай, – сказал господин Т. с некоторой долей безразличия. – Своеобразный здешний феномен, если есть желание посмотреть, то извольте... Боюсь, это может показаться вам варварским, но с познавательной точки зрения... Очень хорошо характеризует нашу нынешнюю жизнь.

Господин Т. печально вздохнул, я увидела, что он еще не очень старый человек, хотя, как и многие здесь, выглядит значительно старше. А местным обычаем полюбоваться я согласилась. Т. отдал приказ рикше, и тот принялся свистеть пронзительнее и проталкиваться вперед, используя для этого силу своих плеч и иногда короткую плотную дубинку из черного материала – по-видимому, дубинка эта оказывала болезненное действие, во всяком случае, китайцы разлетались по сторонам, как деревянные шары. Благодаря этим усилиям мы сумели быстро продвинуться глубоко в толпу и оказались на площади. Мы покинули палантин и поднялись на особое возвышение, откуда было удобно наблюдать за происходящим.

Здесь собрались в основном китайцы в серых мешковинах и пластиковых халатах, их присутствовало подавляющее количество, однако я заметила и некоторое число каторжных; они были обряжены в одинаковые комбинезоны из брезентовой ткани и по старой каторжной традиции носили на спинах пришитые желтые ромбы. Каторжные держались отдельно от китайцев, большинство имели на руках и на ногах кандалы, а некоторые держали у ног железные ведра. Собравшиеся волновались, пребывая в приподнятом настроении, они оживленно переговаривались и ожидали начала.

– А что это за обряд? – поинтересовалась я.

– Мордование негра, – ответил господин Т. – Сегодня шестое, а шестого и девятого числа каждого месяца у нас мордование негра, вы не слышали?

Господин Т. указал в центр площади, где доделывали невысокий, в половину человеческого роста, помост из досок и автотормозных покрышек, из центра помоста торчал крепкий высокий столб. Вокруг столба бродил удивительно упитанный человек, на шее его болталась свернутая удавкой веревка длиной метра в четыре. Руки и ноги у него тоже оставались свободны; я отметила, что привязанный к столбу человек вовсе не негр, а скорее латино, южный американец. Господин Т. пожал плечами и ответил, что причина подобного названия ему неизвестна, видимо, первый из замордованных в эти дни был негром, а потом и название, и сама традиция прижились и распространились по остальному острову.

– Здесь у нас мало развлечений, – сказал господин Т. – Особенно у каторжных и ссыльных. Так что многие ждут этих дней с нетерпением, готовятся к ним. Это большие праздники, особенно для нас – мы не можем себе позволить такой размах, как в прочих местах.

Господин Т. стал сравнивать Холмск с другими населенными пунктами префектуры, в частности с обнаглевшим Южным, который, по уверению господина Т., совершенно бесполезен для острова, более того, вреден, поскольку проживающие в нем китайцы, корейцы и прочий сброд давно утратили страх, они объединяются в секции и наращивают экономическую мощь. Того и гляди мы получим у себя под боком миллион кровожадных дикарей. Центр не видит этой проблемы, а между тем она назрела и вот-вот полыхнет, а части самообороны, находящиеся на острове, пребывают в известной степени разложения, причем государственно ориентированные чиновники, военные и коммерсанты не перестают доносить до руководства горькие слова истины. В частности, он, господин Т., имеет ряд предложений по организации и оптимизации, а именно: необходимо возобновить практику «ночей клинка» в окрестностях Южного – это во-первых, во-вторых, имеются простые, но чрезвычайно эффективные соли и агенты, опробованные еще во время кампании в Индокитае, достаточно распылить эти соли и агенты в надлежащем количестве над Южным, и среднегодовое количество осадков сократится в три с половиной раза, что положит решительный предел этой ползучей реконкисте. А в-третьих, – тут господин Т. переключился на шепот, – в-третьих, настоящие патриоты, коих немало еще осталось даже здесь, эти патриоты давно думают – господин Т. оглянулся, – думают о том, что неплохо бы вспомнить старое доброе время, когда высоко и гордо реяли флаги...

Сказав это, господин Т. пошевелил глазами, сдвинул рукав и как бы невзначай продемонстрировал татуировку. 731. Я ничуть не удивилась.

Тем временем действие, ради которого мы собрались, началось. Затрубили, толпа сдвинулась, и в упитанного негра стали бросать камни и все подручное – гайки, раковины, палки.

Негр, невзирая на комплекцию, оказался человеком довольно вертким – он умудрялся уклоняться от брошенных в него предметов, причем делал это до того ловко, что некоторые снаряды перелетали в толпу китайцев и калечили их. Среди самих китайцев это вызывало энтузиазм, никто и не подумал отступить или использовать что-нибудь для своей защиты, напротив, они, казалось, с удовольствием получали удары, встречали их смехом, причем, если камень или гайка наносили ощутимый ущерб – рассекали лоб или выбивали зубы, толпа начинала радостно гудеть, а некоторые сразу кидались собирать в пыли площади выбитые зубы, зачем – непонятно, вполне возможно, из них потом приготавливали лекарства или носили их как амулеты от сглаза или как украшения, не знаю.

Господин Т. заметил, что кидать в негра могут лишь каторжники или же японцы, вышедшие в состояние поселенцев, китайцам дозволено мордовать иначе – плевать и поносить американца бранными словами. Я спросила, что это за каторжные с ведрами? Первоначально я полагала, что в ведрах они держат метательные снаряды, но потом заметила, что нет; к тому же ведра были достаточно тяжелы – лишь немногие из них могли удерживать их на весу, большинство ставили к ногам.

Господин Т. пояснил, что это так называемые Прикованные к ведру – каторжные, совершившие тяжкие преступления и отныне обязанные всюду носить с собой ведра, заполнен-

ные свинцом. Вес ведра определяется тяжестью проступка, некоторые ведра так тяжелы, что каторжные не могут полноценно перемещаться даже внутри территории тюрьмы, у других же вес относительно небольшой, и они могут относительно свободно путешествовать по острову для производства различных работ, разумеется, это они делают под надзором тюремного старосты или солдата. Если патруль или надзиратель заметит, что Прикованный к ведру перемещается без ведра, то такому нарушителю немедленно выписывается до тридцати палок, а за повторное в течение года нарушение и до пятидесяти.

Я спросила, какой смысл в этом странном установлении – разве может ношение тяжелого ведра способствовать исправлению осужденного, на что господин Т. ответил, что скоро я перестану искать смысл в каторге, потому что его нет. Что-что, а исправление осужденного в задачи тюремного начальства не входит.

Между тем мордование продолжалось: американец сумел раззадорить публику, он корчил рожи и оскорбительно оголял задницу и, когда это вызывало ропот негодования и шквал снарядов, отпрыгивал в сторону или подставлял под камни брюхо. Тактика его, насколько я поняла, заключалась в следующем – как можно быстрее двигаться и держаться возле столба, который хоть немного прикрывал от ударов. Кроме того, защитой служил и жир, покрывающий тело негра, и, хотя по лицу и телу американца в изобилии текла кровь, я отметила, что серьезных повреждений нет, а ужасные кровавые раны есть не более чем рассечения кожи и жирового слоя. В сущности, весь этот кровавый спектакль есть не что иное, как цирк, представление, корнями, да и названием своим восходящее к легендарному американскому реслингу, в котором, как известно, одни негры притворно ристались с другими.

Господин Т. сказал, что бывает по-разному: случается, что публика входит в азарт и тогда мордуемого закидывают насмерть, а случается и наоборот – мордуемый вызывает у публики уважение своей наглостью, ловкостью и храбростью, так что вместо камней, железок и плевок ему кидают что-то из провизии, особенно в конце. Иногда на площадь являются специально обученные метатели, чьи броски поражают негров с высокой эффективностью, ломают кости, разрывают плоть и отсекают пальцы, и для мордуемого такой расклад, разумеется, много шансов на успешный финал не оставляет. Но в целом смертельный исход не приветствуется – с каждым годом американцев становится все меньше и меньше, и очень скоро их может не остаться совсем. А между тем присутствие в поселении негра для битья весьма благотворно сказывается на психологической атмосфере поселенцев и на социальной сфере.

На мой удивленный взгляд господин Т. улыбнулся и сказал, что наличие кого-то еще более угнетенного пробуждает во многих поселенцах нравственные чувства, но особенно в присутствии негра возвышается национальный дух, улучшается единство народа, многие после представлений приобретают портреты Императора и записываются в добровольческие фаланги. Как бы в подтверждение этого утверждения в негра угодил чугунный черепок, брошенный кем-то с силой и высоким умением, чугун отсек негру ухо и, видимо, задел крупные кровеносные сосуды, поскольку кровь не просто потекла, но брызнула тонкой струйкой. Негр повалился на землю, одной рукой он зажимал кровь, другой шарил вокруг себя в поисках оторванного уха; толпа загготала и вдруг затянула незнакомую песню, в которой присутствовали слова о далекой родине, забывшей своих непутевых детей, о ненаглядной и единственной, которая устала ждать, глядя на молчащее море, о том, что самое сладкое вино чужбины всегда горше скупых слез отчизны, образ которой хранится в сердце каждого. Негр нашел ухо и комически пытался приставить его к голове, в негра больше не кидали, господин Т. заметил, что это хороший негр, исправный, публика его любит и со свойственным нации милосердием не желает непременно негритянской гибели. Так уже в первый день моего пребывания на острове я стала свидетелем чрезвычайно интересного и вместе с тем несколько бесчеловечного спектакля; видимо, глядя на то, как негр пытается приставить к голове свое утраченное ухо, я невольно поморщилась, на что господин Т. предложил:

– Если хотите, можете его пристрелить. У вас ведь, кажется, есть оружие?

– Кого? – не поняла я.

– Негра.

Он с совершенной серьезностью кивнул на помост. Видя мое еще большее удивление, господин Т. сказал:

– Я думаю, вам мы простим эту маленькую слабость. Ваши предки так много сделали для нашей страны, что вы можете позволить себе несколько больше других.

Я могла бы не удивляться – недавно, во время визита на Монерон, помощник капитана предлагал пострелять по китайцам, так что комплимент господина Т., надо признать, совсем уж таковым не был.

– Более того, – улыбнулся господин Т., – вы окажете нам большое уважение...

Я ответила, что у меня, разумеется, есть слабости, однако отстрел негров к ним не относится, и вообще, я считаю, что от таких привычек следует отходить, и при чем тут вообще уважение? Как можно выказать кому-либо уважение таким странным способом?

– Это Сахалин, – пояснил мой провожатый. – Здесь свои представления, зачастую самые причудливые...

Позже господин Т. несколько смутился, извинился за бестактное предложение, но отметил, что, если у меня вдруг возникнет желание, я могу пристрелить любого каторжного, не снявшего при моем появлении шляпу, оставшегося сидеть или посмеявшегося посмотреть в глаза. Если же мне вздумается пристрелить китайца, я могу это также сделать беспрепятственно, за исключением маленькой формальности – потом надлежит заполнить уведомительную карточку и сдать ее в участок. Корейцев можно стрелять без ограничений. Разумеется, добавил господин Т., стрелять в женщин, детей и подростков запрещено, равно как и в лиц свободного состояния.

Все это было сообщено будничным и усталым голосом, отчего смысл сказанного не сразу достиг моего сознания. Я слышала о дикостях и варварстве, распространенном на Северных Территориях, и кое-что наблюдала сама, но я и предположить не могла, что подобное происходит с ведома, а то и под эгидой администрации. Закрытость и недоступность Сахалина для посещений породила в японском обществе множество слухов, которым просвещенная публика не склонна верить, но первые же часы моего пребывания здесь внушали подозрения, что не все слухи являлись плодом фантазии.

Я спросила, почему сам господин Т. не носит с собой оружия. Он не ответил, лишь пожал плечами. Впоследствии я неоднократно замечала эту особенность среди свободных японцев Сахалина – оружие с собой не имел при себе почти никто. Сначала я думала, что это объясняется презрением к окружающему их безвольному контингенту, бесстрашием, верой в судьбу, но потом поняла, что причины несколько иные.

Меж тем торжество продолжалось. Окровавленного негра унесли прочь, толпа, распевая народные песни и славя Императора, бушевала, ударили барабаны, сначала нестройно, потом в ритм, все громче и громче, и вот разрозненные ритмы слились в один, воздух наполнился вибрацией и силой, звук проник в толпу, подхватил ее и объединил. Рядом со мной прыгали, постепенно к прыжкам присоединялись новые и новые китайцы, и вот уже скакала вся площадь. Кислород заканчивался, земля плясала под ногами, меня повело, но господин Т. вовремя поймал за руку, я увидела его лицо, озабоченное и чуть снисходительное, как бы сообщающее – это Сахалин. Это Сахалин, и ничего с этим не поделаешь.

Наверное, я побледнела, поскольку господин Т. испугался. Он провел меня до рикши, который оказался немного избит. Необходимо принять пилюли и хорошенько отоспаться, судя по всему, у меня началась акклиматизация, вернее сказать, адаптация – мой сухопутный организм не очень хорошо перенес морской переход, и теперь в ближайшие дни я буду испытывать

определенный дискомфорт. Это все господин Т. кричал мне в ухо, поскольку шум на площади стоял невообразимый, равно как и вонь, которую я вдруг стала замечать.

Потом рикша бежал, а я глядела по сторонам, точнее, в одну сторону, чтобы голова кружилась меньше.

Японский квартал Холмска мало отличался от кварталов, в которых проживает просвещенное сословие в самой Японии. Небольшие аккуратные домики, брусчатая мостовая, простор и воздух, тротуары, до которых долетает свежий морской ветер; конечно, от вида на грязный порт и китайские кварталы никуда не деться, но через некоторое время я с ним смирилась и перестала замечать.

Я остановилась в небольшом отеле «Хрустальный ручей», в хорошем чистом номере с видом на горы; в отеле имелось все необходимое, и я, впервые за время своего путешествия, смогла принять ванну и нормально помыть голову. Приближался вечер, я заказала в номер чай и, закутавшись в плед, устроилась на балконе; передо мной расстилались укрытые туманом горы, я смотрела на них, и предчувствие чего-то необыкновенного заставляло учащенно биться сердце, в первую же ночь моего пребывания на Сахалине пришел шторм. По утверждению горничной, пожилой женщины, двадцать лет назад присланной сюда за поджог и пять лет как переведенной в поселенческое состояние, сильные шторма в это время года скорее исключение, нежели правило, обычно погода ровная, а ветры умеренные, правда, в этом году жарко, очень жарко. Но в тот вечер пришел шторм.

Я чувствовала себя нехорошо и непривычно и, полюбовавшись волнами четверть часа, устроилась ко сну. Действительно ли началась адаптация к суше, про которую говорил господин Т., повлиял ли на это сегодняшний распорядок дня, не знаю; так или иначе, спала я крайне плохо, мне чудились крошки в постели, и сначала я пыталась с ними мириться, но потом испугалась, что это клопы... К счастью, это были не клопы, а всего лишь моя расшалившаяся психика, но все равно я просыпалась еще несколько раз и проверяла простыни, а еще мне слышался Ину, продавец зонтиков, в эту ночь он не выл и не стучал ногами, а негромко скребся ногтями по стене.

Утром стало хуже. В желудке появился кислый спазм, точно я проглотила согнутый наможенный и заточенный китовый ус, и теперь он в соответствии с заветами алеутских охотников медленно распрямлялся в животе. И навалилась необыкновенная слабость, пол качался, так что приходилось держаться за стены, в ушах буйствовали вчерашние барабаны, и невидимые миру клопы набрасывались на меня, едва я пыталась прилечь. Наверное, поднялась температура, при температуре бывают странные эффекты.

На ноги я смогла подняться ближе к вечеру, да и то не без помощи походной аптечки и отвара, приготовленного горничной. Отвар этот следовало не пить, а прикладывать компрессом ко лбу, и он оказался чудодейственным. Болезнь моя, впрочем, приключилась весьма кстати – ночной шторм учинил в порту множество разрушений, так что глава префектуры, загруженный многочисленными и неотложными делами, перенес нашу встречу на завтра. Город погрузился в суету и беспокойство – шторм вынес к берегу несколько судов, и теперь их разгружали и пытались снять с мелей; в порту тоже случились серьезные повреждения, это угадывалось по дыму, периодически возникавшему то тут, то там, и по сиренам пожарных катеров в акватории, и по газовым факелам, вспыхивающим над холмами, и по огню, текущему по воде.

Я провела весь день в кровати, поглядывая в окно и изучая довоенные книги, весьма кстати оказавшиеся в номере, – в основном литература о минеральных и биологических богатствах острова, весьма познавательная. Книги меня увлекли, и я не заметила, как подкрались сумерки, неожиданно светлые и неожиданно розовые; меня заинтересовал необычный для этих широт цвет, и я поднялась на крышу отеля, где располагалась летняя веранда и откуда прекрасно просматривались порт и бухта.

Никогда раньше я не видела таких насыщенных цветов; ветер за день изрядно раздул пожар, и теперь вдоль воды тянулась полоса бешеного огня, поднимавшаяся до небес и распространявшая вокруг оранжевое сияние. Мощное, в чем-то величественное, грандиозное зрелище, которое трудно, да, наверное, и невозможно увидеть за проливом, дома.

Пожар продержался до утра, я не стала ждать его окончания. Горничная принесла очередную порцию отвара, на этот раз с мятой и с сиропом из пахучей местной ягоды, видимо, той самой клоповки, она и на самом деле несколько пахивала, но не клопами, а скорее керосином, клопы, пристрастившиеся ко мне прошлой ночью, отступили, пусть и невидимые, но клопы не любят запах керосина.

На следующий день в десять часов за мной прислали посыльного с рикшей, я быстро привела себя в порядок и буквально несколько минут спустя оказалась на приеме у префекта Карафутто. Он принял меня в деловой обстановке в своем кабинете, в котором недавно завершилось совещание, посвященное вопросам муниципального хозяйства, в кабинете до сих пор висел дым и на полу в изобилии валялась рваная бумага и ошметки растоптанной бамбуковой корзины. К сожалению, в мои формальные обязанности наблюдателя включена необходимость в посещениях чиновников губернаторства. Профессор Ода не видел смысла в этом, однако настаивал на исполнении протокола, помимо этого, я по возвращении обязалась составить записку о настроениях среди гражданского и военного контингента острова. Так что я заранее запаслась терпением и решила воспринимать эти визиты как неминуемое зло.

– Я имел честь знать вашего батюшку. – Господин префект Карафутто пожал мне руку. – А ваш дед служил с моим отцом на Иото. В те самые деньки, в те самые деньки, да...

– Он рассказывал. Без сомнения, это были великие времена.

Некоторое время мы, отдавая дань приличиям, вспоминали доблести отдаленных и не очень предков, а исчерпав исторические пересечения наших семей на полях славы Империи, приступили к настоящему, и префект по моей просьбе вкратце рассказал о состоянии дел на Сахалине:

– Насколько я знаю из бумаг, вас интересует положение дел каторжных категорий населения. Должен отметить, что вопрос о реорганизации каторжных тюрем давно уже приобрел насущные черты. Без должного финансирования местная администрация не в состоянии наладить надежное содержание, про исправление же говорить не приходится...

Префект вздохнул с такой искренностью, что я на секунду поверила, что ему действительно не безразличны судьбы заключенных и поселенцев.

– Не совсем так, – ответила я. – Передо мной не стоит конкретных задач по инспекции островных учреждений, в том числе и исправительных, хотя их посещение и входит в мои обязанности. Академию Наук, Университет и Департамент Этнографии, в частности, гораздо больше интересует общая картина. Этаким очерк о положении дел в префектуре. Впечатления свежего человека. Вы же знаете, режим изоляции настолько строг, что до Академии не доходит практически никакой информации, а это, в свою очередь, порождает подчас крайне искаженное представление о существующем положении дел.

– Да-да, – кивнул префект, – понимаю. Это важно. Положение дел, да...

Показалось, что и он не поверил, заподозрив во мне тайного агента. Странное предположение – если бы я действительно являлась тайным агентом, то гораздо логичнее было прибыть на остров в качестве каторжного, вольнонаемного, но никак не в открытую.

– Положение дел у нас не очень веселое. – Префект подошел к окну, сдвинул жалюзи. – Положение у нас сложное и скверное...

Перенаселение, голод, эпидемии. Земля истощена. Чистой воды катастрофически не хватает. Биологические ресурсы использовать невозможно – экосистема серьезно разрушена, заражение прибрежной территории и рек позволяет использовать воду исключительно в технических целях. Лес вырублен, а тот, что не вырублен, выгорел, либо засох, либо не пригоден к

переработке. На сегодняшний день на острове приблизительно пятнадцать тысяч каторжных, из которых более четырнадцати тысяч – мужчины. Около ста тысяч лиц вольного состояния, включая администрацию, солдат и чиновников. Порядка пятнадцати миллионов условно свободных, им разрешено перемещаться по острову, но не покидать его. Велика вероятность, что условно свободных гораздо больше. И разумеется, никакой статистики не ведется.

– Как обстоит дело с промышленностью? – спросила я. – Судя по вашему порту, она развивается в соответствии с планом.

– Сахалин дает меньше трех процентов валового продукта Империи, – отмахнулся префект. – Итуруп с его вулканами и копиями – десять. Промышленность на острове не главное...

– А что главное?

– Каторга, – ответил префект. – Разумеется, каторга в широком смысле – это не три каторжные тюрьмы и не несколько тысяч бессрочных поселенцев. Каторга – это всё, что вы видите вокруг.

Префект постучал по стене согнутым пальцем; получившийся звук был не каменным, а скорее картонным.

– Сахалин – это всего лишь буфер, – сказал префект. – И у него достаточно простые функции. С одной стороны, он вбирает в себя нежелательные элементы социума Империи – убийц, разбойников, растлителей, психопатов и прочих негодяев, даже малое количество которых может разрушить любое общество. С другой – Сахалин принял всех, кто бежал после Войны с материка. И до сих пор принимает. Если говорить проще, это огромная...

Префект применил для характеристики вверенной ему территории выражение, малоупотребимое в приличном обществе, но, на мой взгляд, характеризующее остров как нельзя точно.

Префект заметил, что смутил меня своей матросской лексикой, смутился сам и попытался сгладить грубое впечатление:

– Сахалин – благо для мира и ад для его обитателей, так бы я сказал. Остров – последний рубеж перед наступающими силами хаоса. Мы здесь как некие полуденные стражи...

Я давно заметила одну особенность – многие чиновники средней руки обожают философствовать вслух. Они точно ждут слушателя, и стоит тебе только появиться, как чиновник начинает рассуждать про смысл бытия, предназначение человека и тяжелый крест, причем это всегда заканчивается непременно жалобой на скудное содержание. Поэтому, чтобы не доводить столь почтенного чиновника до жалоб, я переключила разговор на другую тему.

– А как обстоит дело с мобильным бешенством? – аккуратно поинтересовалась я. – Общество хочет знать, надежно ли защищен остров от проникновения инфекции с материка? Потому что ходят некоторые тревожные слухи...

– Абсолютно защищен, – заверил префект. – Вы же знаете, в связи с изменениями климата пролив никогда не замерзает. В нем регулярно дежурят суда береговой охраны, само побережье острова патрулируется, через каждые двадцать километров расположены посты. Ветер всегда восточный, так что пересечь воду сложно... Справедливости ради надо признать, что последний случай зарегистрирован около шести лет назад. Впрочем, это случилось за проливом, кажется, где-то в районе условного Хабаровска. Так что...

Префект улыбнулся и стал говорить тише:

– Бешенство не передается по воздуху, МОБ – это всегда носитель, а носителей за проливом с каждым годом все меньше и меньше.

И еще тише:

– Знаете, мне иногда кажется, что МОБ – это пугало, используемое для выбивания финансирования. Всем известно, что силы самообороны поглощают практически половину бюджета Империи, в то время как мы едва сводим концы с концами...

Последнее префект произнес трагическим шепотом, поглядев на меня с такой обидой, что я почувствовала и себя виновной в том, что на Сахалине сложилась подобная ситуация.

– Я подготовил некий проект. – Префект взял с подоконника папку и протянул мне: – Если вы ознакомитесь на досуге, то я буду счастлив.

Я поняла, что отказаться от изучения проекта нельзя, и приняла папку.

– Это весьма актуально, – улыбнулся префект. – Вы завтра отправляетесь в Углегорск, а я в своем рассмотрении предлагаю наладить производство угля из вторичного леса...

– Из вторичного леса? – не поняла я.

– Вокруг Углегорска сохранился выгоревший лес, сотни гектаров. При некоторой обработке его несложно превратить в древесный уголь для отопления жилищ зимой. Я уже сделал все для организации пробного производства...

Я вдруг ясно осознала, что префект хочет отсюда сбежать. Сбежать домой из этой каторги. Наверняка он направлен сюда отнюдь не за заслуги, хотя... Он знал еще моего деда, а это поколение идеалистов, они стремились к великому, и вполне возможно, что префект был на остров добровольно – отстраивать порт, тянуть железную дорогу на север, бороться с последствиями войны, строить будущее, на которое тогда надеялись. Но шли годы, лета и зимы, тайфуны и туманы, и теперь у префекта ревматизм и люмбаго, у него нет жены и нет детей, и вся его жизнь прошла здесь, в заботах и мечтах. Постепенно забот становилось все больше, а мечтаний все меньше, и сами мечтания эти изменились: теперь он мечтает о теплой комнате, медном тазе для ног с горчичной водой, горячем камине и бокале вина, он придумывает стратегии для угольных мануфактур и наверняка собирается подарить мне золотую ложку и платиновую вилку.

– Я изучил план вашей экспедиции и, если позволите, могу порекомендовать вам другой путь. Насколько я понял, конечной точкой маршрута является Александровск?

Я утвердительно кивнула.

– Разумеется, если вы пожелаете, префектура предоставит вам автомобиль, – улыбнулся префект. – Однако смею вас заверить, что эту часть пути можно проделать с гораздо большим комфортом. Вы, наверное, слышали, что железнодорожное сообщение между южной и северной частями острова некоторое время назад начало восстанавливаться? Мой личный вагон... он в вашем распоряжении.

Префект поклонился и поглядел на меня с какой-то тоской, словно не личный вагон собирался предложить, а зачитать предсмертное хокку.

– До Углегорска и до Александровска, впрочем, железнодорожных дорог пока нет, – сообщил с печалью префект. – Но я распорядился оказывать вам все возможное содействие, местным чиновникам разосланы предписания оказывать вам всю необходимую помощь, в том числе транспортную. Мы очень надеемся, что ваш визит способствует...

Префект неожиданно покраснел и, смущаясь, стал рассказывать, чему именно будет способствовать мой визит на Сахалин, и в этом перечне было много чего: от повышения урожая модифицированной черемши до желанного всеми смягчения нравов и общей гуманизации поселенцев. Ведь поселенцы в большинстве своем пребывают в озверелом состоянии – они необразованны, темны и зачастую подвержены фантастическим предрассудкам, впрочем, об этом я могу подробнее поговорить со своим сопровождающим.

– Сопровождающий... – вздохнула я.

Я уже смирилась с неизбежностью сопровождающего, но, если честно, до конца принять это так и не смогла; я планировала путешествие по острову в одиночку, а тут мне упорно цепляют какого-то товарища.

– Увы, – сокрушался префект, – увы, без сопровождающего никак. На Сахалине, несмотря на все наши невероятные усилия, все-таки неспокойно. Взять хотя бы медведей...

– Медведи?! – удивилась я.

– Это бедствие, – махнул рукой префект. – Конечно, отстреливаем, как можем. Но нападения случаются регулярно, особенно на западных окраинах. Слишком много легкой добычи, остров заполнен гнилым мясом...

Префект поморщился.

– У медведя нет радиометра, он жрет все подряд, – сказал префект. – В реках собирается бездна грязной рыбы, медведи и развелись. Так что обеспечить вашу безопасность – моя прямая обязанность. Первоначально планировалось дать вам трех солдат...

Я побелела от раздражения. Солдат еще не хватало! Я немедленно представила, как за мной станут таскаться болваны с винтовками наперевес...

– Но, поразмыслив, решили остановиться на одном. Поверьте, это очень хороший специалист...

– В чем? – довольно невежливо перебила я. – В чем он специалист?

– В безопасности. И я думаю, он вам должен понравиться.

– Почему он должен мне понравиться? – не поняла я.

– Он в какой-то мере ваш... – Префект сбился и несколько мгновений размышлял, как сказать аккуратнее. – Соплеменник.

Уточнить он не успел: господина префекта острова вызвали по неотложному делу, кажется, взорвался газгольдер.

Остаток дня я посвятила порожним хлопотам. Первоначально я планировала побродить по городу и познакомиться с Холмском поближе, однако из этой затеи ничего не вышло: город кишел китайцами, и пробираться сквозь них не только неприятно, но и опасно, вызывать же официального рикшу не хотелось. Поэтому и следующий день своего пребывания в Холмске я провела на веранде отеля, читая книги, наблюдая за вращением городской жизни в бинокль и угощаясь травяными чаями. В городе до сих пор что-то горело и взрывалось, но я начинала к этому привыкать; вечером в номер заглянула горничная, смущаясь, она подарила мне рукавицы, связанные, по ее уверению, из натуральной собачьей, лишь с небольшой примесью синтетического волокна, шерсти. Я испугалась, что и горничная сейчас станет жаловаться на недостаток финансирования и скудную жизнь, но женщина неожиданно попросила меня рассказать про Японию.

Я рассказывала три часа, а она слушала, иногда начиная плакать, иногда задавая вопросы, интересуясь, не собираются ли пересмотреть законы о ссылке, не думают ли ссылкой, отбывшим срок и зарекомендовавшим себя с законопослушной стороны, разрешить возвращаться на родину. Я отвечала ей, а когда ответы кончились, горничная попросила передать письмо ее дочери, живущей в Такамацу, и я не смогла отказать. После этого женщина стала плакать еще сильнее и благодарила так искренне, что мне в очередной раз стало неудобно. Я взяла конверт и спрятала его в герметичный бокс. Горничная удалилась, а я стала укладываться спать.

Ночь прошла быстро, утро выдалось ясным и солнечным. Горничная разбудила меня в шесть и сказала, что вчера вечером звонили из префектуры и сегодня горячая вода без ограничений. Это была удивительно приятная новость, горячий душ – это необходимость, но горячая ванна... Короче говоря, я целый час провалялась в пене, глядя в потолок и гоняя по воде желтых резиновых осьминожек. Со стороны это выглядело глупо и странно, наверное, но я уже вступила на территорию зыбкой странности, передо мной в мерцающих туманах лежала долгожданная Гиперборея.

Поезд отправлялся в одиннадцать часов утра, в восемь я в полной боевой готовности спустилась в холл гостиницы. Меня уже ждали – прибыл сопровождающий, обещанный господином префектом.

Повторюсь – изначально я никакого сопровождающего не хотела, хотелось составить непредвзятое впечатление об острове и его состоянии; к тому же у меня имелись серьезные подозрения, что сопровождающий стал бы так или иначе подталкивать мой интерес в нуж-

ную сторону, вольно или невольно способствовать искажению картины восприятия. Именно поэтому я планировала отделаться от сопровождающего при первой же возможности, однако, поразмыслив хорошенько, я поняла, что спутник из местных, пожалуй, не помешает.

Сопровождающий оказался молодым человеком лет... Если честно, я не смогла с первого раза определить, сколько ему лет; я давно заметила, что есть некоторые люди, возраст которых определить сложно. Их лица, выглядящие вроде бы молодо, обладают при этом какой-то неподвижностью и несвойственным юности покоем, точно все лицевые нервы отключены, и эмоции умирают глубоко под кожей, не успевая добежать до поверхности. При этом почему-то кажется, что такой человек вот-вот заплачет.

Это было весьма необычно – лицо равнодушного обиженного ребенка, вислые плечи, оружие. Сразу я не очень поняла, что это такое, некий странный предмет, больше всего похожий на багор, – я видела такие у бойцов пожарных команд. Однако багор, лежащий у ног моего сопровождающего, имел несколько иную форму – изогнутый, с дополнительной рукоятью посреди древка, приспособленный для носки на плече, крюк обмотан мешковиной.

Когда я спустилась в гостиную, сопровождающий поднялся из кресла, поцарапав при этом кожаную обивку ножами. Он оказался невысок, впрочем, как и все люди, встреченные мною на Сахалине, чуть ниже меня, не широк в плечах, если честно, я думала, что он будет повыше. А еще... Я вдруг поняла, откуда эта странная неподвижность в лице моего сопровождающего, собственно, это не неподвижность даже, просто лицо было настолько *другое*, что я определила его как неподвижное, чуть ли не мертвое.

Потому что сопровождающий не был азиатом. Ни японцем, ни китайцем, ни корейцем.

Я вспомнила про то, что сказал префект. Сопровождающий – мой соплеменник. Соотечественник.

Он был моим соотечественником.

Русским.

Я его не узнала, потому что вживую никогда не видела русских лиц; я помнила бабушку, но она была так стара, что по ее лицу ничего не читалось и не виделось, мама же моя, несмотря на свой безупречный русский, походила все-таки скорее на японку, хотя и с голубыми глазами. Как у меня.

А этот...

– Привет, – сказал он. – Ты Сирень?

Он обратился ко мне на «ты», но я ничуть не обиделась, хотя прежде я не терпела фамильярности, особенно от незнакомых. А сейчас...

– Так ты Сирень? – повторил парень.

– Да... – неуверенно ответила я. – Сирень...

– Меня зовут Артем.

Все по-русски. На том самом русском, на котором говорили мои бабушка и мама и я, на том языке, который я знала по книгам и по старым фильмам, и любила слушать его.

Наверное, я растерялась. Наверное, это проявилось на лице – лицо меня всегда подводит, отец учил, как надо контролировать мимику, чтобы ни мускул не дернулся, чтобы маска...

Артем улыбнулся и сказал вдруг:

– Ты красивая.

И я смутилась. Сначала. На некоторое время.

Но Артем произнес это так обычно и свободно, что я не нашлась, что сказать. Сказать этому наглецу... Что-нибудь да сказать.

Артем поднял с пола вещмешок и багор, забрал у меня рюкзак, закинул на плечо, а я все молчала, хотя сама должна...

– У нас скоро поезд, – сказал он. – Хотя нас, наверное, подождут?

– Наверное, – согласилась я. – Но все равно...

– Все равно надо спешить.

– Надо спешить.

Мы вышли на улицу. У входа приплясывал рикша, он схватил наши вещи, закинул в багажное отделение, сам же замер в полупоклоне; на крыльцо выскочила горничная и принялась плакать, и я вдруг совершенно ясно поняла, что больше ее никогда не увижу. Я даже не успела узнать ее имя.

Всю дорогу Артем молчал; рикша, расталкивая встречных головой, тянул коляску к порту, я смотрела по сторонам; я стеснялась смотреть на Артема, да и он на меня не очень-то внимание обращал, видимо, нам обоим было неудобно. Артем достал большой складной нож, выхлестнул лезвие и начал его править о рукав толстой кожаной куртки. А я зачем-то изучала улочки, переулки, косые заборы, торговцев водой, торговцев жареными крысами, торговцев морской капустой, потом снова торговцев крысами, продавцов диковинной обуви и не менее диковинной одежды и масок, масок встречалось много, так же как фальшивых сабель. Рикша свистел, и звонил, и ругался, мы продолжали пробираться сквозь толпу к железнодорожному вокзалу.

На одной из улиц к нам пристал продавец старых книг, настырный такой, изо всех сил старался всучить мне толстенный, в кожаном переплете, том. Забегал перед рикшей, старался ухватиться за колеса, сунуть книгу в руки, верещал на жутком китайско-корейском, улыбался. А я вдруг подумала, что это, может, не торговец, а последний книголюб Маоки, и он хотел не продать эту книгу, а спасти ее. Может, это была последняя книга Маоки, остальные давно пустили на папироски. Мне вдруг захотелось посмотреть, что это все-таки такое, и я собралась подать рикше знак, однако в этот самый момент продавец запнулся и упал, и рикша не успел затормозить и переехал торговца. Конечно, большого вреда это ему не причинило, но рикша, разъяренный внезапной помехой, остановился и стал избивать книголюба, книгу же он попросту выкинул куда-то вбок, то ли на крышу ближайшей фанзы, то ли в канаву.

Драка никак не могла прекратиться, рикша и книготорговец сцепились и катались в грязи, ни одному, ни другому не удавалось одержать верх, закончилось тем, что Артем кашлянул. Этого оказалось достаточно – книголюб мгновенно уполз в щель, а рикша немедленно впрягся в коляску и поволок ее по пути, несколько при этом прихрамывая.

Нужный состав ждал нас возле третьего пути – это был эшелон, состоящий из порожних угольных вагонов, покореженных, черных и страшных. Даже не двигаясь, они умудрялись издавать натужные лязгающие звуки, выпрямляясь после многотонной тяжести, точно вздыхая. В голове состава пыхтел старинный паровоз, в Японии такой нельзя увидеть и в музее, а здесь он находился в исправном и рабочем состоянии, выпускал струи серого пара и торопился в путь.

Вагон префекта прицепили последним, и мы направились к нему вдоль путей, перешагивая через масляные лужи, горки сажи и прогнившие шпалы. Я молчала, Артем неразборчиво бормотал под нос песенку и иногда для придания ей ритма постукивал багром по железу, выбивая из платформы глубокие и протяжные ноты.

Префект не обманул – вагон оказался практически в полном моем распоряжении, и хотя он состоял из пяти отдельных купе, мне досталось первое и самое лучшее, видимо, как раз то, в котором обычно путешествовал сам префект. В купе имелось все необходимое и, пожалуй, даже больше этого – бархатные подушечки для удобства путешествия, небольшой электрический самовар, чай в фарфоровых банках – и, как сообщил проводник, специальный презент от господина префекта – набор шоколада в коробке из тонких кипарисовых пластинок.

Артем занял соседнее купе, а я, расположившись, упала на мягкие, обитые полосатым велюром диваны. В вагоне было поразительно тихо, точно мир умер окончательно, и мне очень понравилась эта тишина, я опустила в нее и почувствовала себя немного дома: такая тишина стояла в кабинете отца. Отец, уходя на службу, оставлял мне ключ, и, хотя входить в кабинет

в его отсутствие строго-настрога запрещалось, я пробиралась в него после обеда, пряталась в кресле, пополам на гору, выдвигала ящики стола и доставала сокровища. Компас в тусклой латунной оправе, кинжал с витой рукоятью – камни выкорчеваны, но насечка по серебряной проволоке еще радовала ладонь, хотя и почернела, подзорную трубу с именем «Долгий глаз», старинные карты, коробочку с землей – двадцать склянок.

Коробочкой отец гордился особенно, поскольку ее подарил нашему прадеду Император, еще в те времена, когда никто не мог и помыслить о Войне и Реставрации. Двадцать склянок, девятнадцать заполнены землей с разных мест – с Красной Площади, с берега Иордана, с Огненной Земли, песок из пустыни Гоби, черный прах вулканических островов Индонезии, в бутылочке номер восемнадцать пять граммов серого лунного грунта, доставленного еще «Аполлоном», в бутылочке номер девятнадцать хранился Марс – несколько отчего-то яркосиних крупинок. Каждая бутылочка имела свое ощущение; абсолютно одинаковые внешне, с одинаковой гладкостью и чистотой стекла, но стоило взять их в руки, как я начинала чувствовать и словно переносилась в то место, откуда эта земля была добыта.

И каждая из них пахла по-своему: Гоби – высохшим деревом, Антарктида – каменистой пустотой, острова Индонезии – огнем и пеплом, морем, солью. Сильнее всех, к моему удивлению, пахла Луна: она пахла космосом, и запах у него был вполне определенный – запах льда, глины и отчего-то канифоли; каждый раз, услышав Луну, я улыбалась, вспоминая рассказы про Деусу и творение им Вселенной. Я представляла, как старый, бородатый Деусу в заплятанном белом халате, с паяльником в руке и выпуклыми очками на носу мастерит Мирозданье. И всюду пахнет канифолью. Марс же, напротив, был холоден и безразличен, как и его цвет.

Бутылочка номер двадцать стояла пустая, и где земля из нее, отец не мог ответить, поскольку не мог вспомнить, имелся ли там грунт вообще; я же, глядя на прозрачный пузырек, всегда воображала, что этот пузырек в коробке лежит не просто так, а для меня. Что когда-нибудь я наполню его чудесной землей моей Ultima Thule.

Поезд тронулся, за окном двинулись вагоны и цистерны, предназначенные, вероятно, для эрзац-топлива, и платформы, платформы, с бревнами на вывоз, с горами изношенных покрышек, с ломом цветных металлов, еще с красными камнями; что это такое, я не знала. Дома я редко пользовалась железнодорожными линиями и никогда не ездила в вагонах такого класса, в лучшем случае в поездах с протертыми пластиковыми сиденьями и торчащей проводкой; в настоящих поездах, обстоятельных, неторопливых, я не путешествовала.

Паровоз тянул состав не плавно, а рывками и с дребезгом, но сквозь толстую обивку купе звуки доносились будто издалека, я вытянула ноги и положила их на скамеечку.

Через пятнадцать минут заглянул проводник – он сообщил, что наше путешествие займет сутки с небольшим, поскольку дорогу еще не восстановили до конца и на многих участках приходится снижать скорость, к тому же это паровоз, его периодически следует заправлять водой. Проводник также сообщил, что мой спутник прекрасно устроился в соседнем купе и сейчас спит, что титан кипит и чай скоро подадут, что он сам в моем распоряжении.

Проводник оказался почти моим земляком – до Сахалина он служил тоже по железнодорожной части, но потом, когда в семье появился пятый ребенок, завербовался сюда; и вот он здесь скоро десять лет, работает на поезде, дома бывает редко, раз в три года, но доволен – жалование высокое, кроме того, по возвращении домой ему положена достойная пенсия. Безусловно, жизнь на острове связана с риском и не так спокойна, как дома, но свои прелести можно отыскать и здесь.

Я поинтересовалась, чем же опасна жизнь на Сахалине, и проводник уже хотел ответить, но тут запел свисток в титане, и он убежал, а вернулся с тремя стаканами на серебряном подносе, в серебряных же подстаканниках.

– Старинный здешний обычай, – пояснил он. – Подавать чай именно так. Наш префект уважает традиции прежних народов, знаете ли, он культурный человек, закончил университет. Интересуется историей, кстати ...

Я стала пить необыкновенно вкусный чай, таким он был, скорее всего, из-за воды, но мне хотелось думать, что это из-за чудесного способа подачи. Прихлебывая горячий и приятно пахнущий серебром чай, я все же смогла узнать у проводника об опасностях, случающихся на острове. Опасностей этих не то чтобы много, как правило, все они природного характера – землетрясения, оползни, пожары, эпидемии, но бывают и другие случаи. По его словам, скученность населения частенько приводит к возникновению массовых фобий и психозов, тогда, конечно, некоторая опасность возникает. И каторжные, случается, бегут. Разумеется, такого *беспредела*, как раньше, давно нет, но искоренить в китайцах страсть к бунту и тайной деятельности нелегко. К тому же, в противовес китайским тайным домам, возникли, по слухам, дома японские, еще более жестокие.

– Но вам-то нечего волноваться, – улыбнулся он.

Я поинтересовалась почему, и проводник ответил, что с таким спутником, как у меня, беспокоиться о безопасности не стоит; на мой вопрос, что такого особенного в моем спутнике, проводник снова улыбнулся.

– Поверьте уж, все, кто находится в трезвом рассудке, предпочтут быть от него как можно дальше.

Это проводник произнес с уважением.

– Почему? – Мне стало интересно.

Если честно, ничего особо страшного я в Артеме не увидела, ну, разве что некоторая гармония движений, какую я замечала раньше у старых мастеров; отметив эту черту, я еще подумала, что, скорее всего, это случайно – вряд ли Артем, живя здесь, на Сахалине, мог овладеть техникой динамического контакта, и в Японии-то лишь немногим доступной. Однако после слов проводника я решила, что к Артему стоит присмотреться внимательней.

– Почему же? – повторила я вопрос. – Неужели он так опасен?

– А вам разве не сказали, кто он? – доверительным шепотом спросил проводник.

– Нет. То есть сказали, разумеется. Сказали, что будет сопровождающий из местных, что его зовут Артем, что он опытный и надежный человек.

– Опытный, – кивнул проводник и взял чай. – Он действительно опытный. Он – Прикованный к багру!

Это проводник произнес шепотом и несколько ко мне наклонившись, вероятно, для некоей еще большей доверительности.

– Вы знаете, что это такое?!

Проводник оглянулся.

В моей памяти будто что-то шевельнулось, строки прочитанной еще в детстве и сейчас забытой книги, но точных ассоциаций не возникло. Я пожала плечами и раскрыла коробку с шоколадом, по купе пополз изумительный кофейный запах. Оказалось, что проводник за годы пребывания на острове собрал массу интереснейших фактов и наблюдений, касающихся истории острова, его природы и нравов его обитателей, и теперь он рассказывал, обстоятельно, с отступлениями, паузами, как подобает рассказывать в длительной поездке.

На острове проживали несколько категорий населения, которые условно можно было разделить на три большие группы. Первая, самая малочисленная, включала в себя всех действительных каторжных, отбывающих наказание в тюрьмах или на поселении. По отбытии положенных сроков каторжные переходят на положение условно свободных и могут наниматься на работу, открывать лавки и ремесленные мастерские, свободно перемещаться по территории префектуры, разумеется, в пределах острова. Жениться. Впрочем, эти вопросы не регулировались совершенно; единственное, что интересовало администрацию, – это эмиграция лиц,

достигших шестнадцатилетнего возраста. Надо отметить, что каторжные были исключительно японцами.

Вторая группа – условно свободных поселенцев – являлась самой многочисленной, точных данных на настоящий день не имелось, но по самым общим оценкам, население Сахалина составляло порядка двадцати миллионов человек. В основном, китайцы, бежавшие на остров до и во время Войны и продолжавшие прибывать туда после через фильтрационный лагерь на Монероне. Присутствуют также корейцы, впрочем, по сравнению с китайцами представленные незначительными количествами; остальные народности в единичных экземплярах. Условно свободные фактически предоставлены сами себе, организацией их существования префектура не занимается никак, немногочисленные промышленные предприятия, функционирующие на острове, не занимают и процента поселенцев, остальные ведут неприкаянный образ жизни.

Третья категория населения – свободные. Их тоже немного, в подавляющем большинстве это японцы: чиновники префектуры и каторжной администрации, инженерный и технический корпус, военные. Японцы, как правило, находятся здесь по найму, или по службе, или в полудобровольной ссылке – как провинившиеся дома по незначительным делам; они в любой момент могут вернуться домой. Фактически это единственная полноправная категория населения, осуществляющая императорскую власть и надзор над остальными. Однако в силу малочисленности, японцы неспособны поддерживать пусть и относительную стабильность своими силами, поэтому для придания власти дополнительной устойчивости в управлении во многом применяются неофициальные методы.

Корни этой системы стоит искать в послевоенном времени и времени установления над Сахалином протектората, именно тогда, как ответ на хаос и беззаконие, захлестнувшее остров, была инициирована организация некоей параллельной иерархии. Иерархия эта была проста, но эффективна и способствовала установлению на земле префектуры Карафута относительного порядка; в сущности, для обуздания анархии сформировалось несколько отрядов, в течение десяти лет покончивших с самыми одиозными китайскими бандами, преступными кланами, разветвленным маоистским подпольем и чудовищными сектами, расплодившимися на севере. В соответствии с историческим прошлым бойцы этих отрядов стали называть себя Прикованными к тачке и носить на теле соответствующие татуировки; в отряды, как правило, набирали бывших военных из числа беженцев с континента; практически все были этническими русскими.

Прикованные к тачке имели ряд привилегий, отличавших их от прочего неапонского населения, – они могли носить огнестрельное оружие, могли без ограничений применять его к каторжным и условно свободным, вершить суд и возмездие; они пользовались определенными экономическими преференциями, в частности, им позволялось взимать подати с условно свободных, захватывать наиболее выгодные земли, контролировать ручьи и родники. Но главной привилегией Прикованных к тачке стало право на выезд в Японию после десяти лет службы.

После того как установился порядок, отряды Прикованных к тачке официально распустили, оружие изъяли, большинство же бойцов предпочли перебраться в Японию. На Сахалине их сменили Прикованные к багру – что-то вроде полиции, вооруженной мачете, топорами и саблями. Прикованные к багру уже не назначались префектурой, ими становились самые физически развитые и ловкие, обладавшие навыками в обращении с оружием, зачастую потомки Прикованных к тачкам. Прикованные к багру занимались поддержанием порядка, им доверялись и определенные хозяйственные функции – расчистка и вырубка леса, поддержание дорог, похоронное дело, отслеживание беглых каторжных, патрулирование побережья, распределение воды между условно свободными.

По мере того как на волю выходили отбывшие свой срок каторжные, начала формироваться еще одна группа поселенцев, пользующаяся особым статусом. Заключение, отбывавшие срок за серьезные государственные преступления (в основном сторонники республики)

и на время пребывания в каторге прикованные к гилям в форме ведер, по выходе в состояние условно свободных стали организовывать группы так называемых Прикованных к ведру. Прикованные к ведру – практически исключительно японцы, это закрытая каста, занимающаяся в основном подпольными промыслами: торговлей краденым, самогонварением, игорными домами, курильнями, борделями, спекуляцией продовольствием и другими товарами, ограниченными в обороте. В силу того что эти люди и до водворения на Сахалин занимались нелегальной, а зачастую и подрывной деятельностью, их организации оказались более чем жизнеспособными.

Между Прикованными к багру и Прикованными к ведру существует серьезная конкуренция и негласное противостояние. Если первые находятся практически на официальном положении и во многом являются чиновниками префектуры, вторые составляют теневую сторону власти и причисляются к незаконным организациям. Условно свободные поселенцы, этнические китайцы, до ужаса боятся Прикованных к ведру, поскольку те, памятуя о многовековом противостоянии с Нефритовым Утесом, поддерживают во многих районах острова атмосферу националистического террора. В частности, префектура неоднократно и безуспешно пыталась ликвидировать боевое крыло Прикованных к ведру – «Фракцию 731», целью которой было отделение Карафутто от Империи, создание на его территории военизированной тоталитарной республики, построенной на принципах либерал-демократии, с обязательным низведением лиц неяпонского происхождения до положения рабочего скота.

– В прошлом году «Фракция 731» разорила за одну ночь четыре китайские деревни и перекрыла железнодорожное сообщение между севером и югом, – сообщил проводник. – Они захватили даже вагон префекта! К счастью, сам префект в нем не путешествовал, но мне, к сожалению, посчастливилось познакомиться с этими варварами. Это было ужасно!

Нападающие привели к железной дороге двести человек и велели им лечь на рельсы. Китайцы, особенно те, кто живет не в городах, а на отшибе, от одного упоминания «Фракции 731» приходят не то что в ужас – они впадают в беспамятное и безвольное состояние, они абсолютно покорны и беззащитны, поэтому уложить их на железнодорожные пути не составило никакого труда.

Разумеется, машинист нажал на тормоза, поезд остановился, тогда-то «Фракция» и ворвалась в вагоны и захватила всех, кто там находился. Машиниста поезда, проводников, в том числе и моего собеседника, боевики «Фракции» привязали к шпалам, поскольку добровольно лечь под поезд те отказались. Проводник рассказывал, что в таком положении он провел почти два часа. Бандиты сначала попытались сдвинуть паровоз самостоятельно, однако ни умений, ни смекалки у них для этого не нашлось; тогда они стали истязать машиниста и его помощника, но те проявили твердость и двинуть паровоз на людей, хоть и на китайцев, отказались; террористы пришли в ярость и стали придумывать различные способы умерщвления значительного числа человек. Все это время они распевали хулильные песни, мерзейшими словами оскорбляли Императора и его семью, выкрикивали республиканские лозунги и грозились, что рано или поздно Сахалин сбросит иго Императора-предателя и что на его территории начнется новое японское государство.

Проводник уже готовился к смерти, сожалея, что так и не увидел перед ней свою семью, но неожиданно на помощь подоспело подразделение Прикованных к багру. Они без особого труда перебили и разогнали весь этот республиканский сброд и освободили пленников.

После этого случая были проведены облавы в крупных городах, многих Прикованных к ведрам казнили, но многие до сих пор на свободе. Более того, некоторые из них не стесняются ходить по улицам с жестяными ведрами в руках, как бы демонстрируя свою нелояльность существующей власти. «Фракция 731» тоже удалось нанести чувствительный удар, группировка затаилась, во всяком случае, резонансных акций не проводилось уже давно, но, по слухам, в центральной части острова их влияние до сих пор значительно.

Я поинтересовалась, почему нельзя покончить с Прикованными к ведрам совершенно, ведь это наверняка технически несложно – префектура имеет списки всех, кто прошел каторгу за последние десятилетия, и всех, кто перешел из каторжан в условно свободные поселенцы. Проводник ответил, что сделать это не получится по ряду причин. Во-первых, переходя из каторжного состояния в состояние условно свободного поселенца, заключенный выходит из-под контроля, он может свободно перемещаться по острову и делать что ему вздумается. Во-вторых, – и по секрету, – с архивами большая беда; пятнадцать лет назад в ходе реформы системы каторжных тюрем архив сгорел, и восстановить его не удалось, поскольку судно, на котором в Японию вывозились фотокопии всех документов префектуры, в шторм наткнулось на бродячую субмарину и затонуло. Разумеется, кое-что отыскать удалось, однако значительная часть данных безвозвратно утеряна, так что сейчас никто не может с точностью сказать, сколько сейчас на острове бывших каторжных. В-третьих, – и это не по секрету, – префектура не заинтересована в полной ликвидации Прикованных к ведрам, поскольку они являются той силой, которая помогает держать преобладающих на острове китайцев в страхе и подчинении.

– Сахалин – очень запутанный остров, – сказал проводник и поставил стакан на стол. – Чего тут только не накручено. Змеиная яма. Извините, чай, наверное, остыл, сейчас подгорячу.

Проводник собрал стаканы и удалился, а я достала блокнот для заметок.

В ходе моей подготовки к экспедиции на Сахалин я, разумеется, намеревалась изучить имеющуюся информацию, опросить тех, кто побывал на нем по службе, тех, кто проработал здесь долгое время, для того, чтобы составить хотя бы общую предварительную картину, однако когда я сообщила о своих планах профессору Ода, он категорически запретил мне это делать. По мнению профессора, это могло серьезно исказить картину и повлиять на объективное восприятие. Единственно, что, по утверждению профессора, стоило сделать, – это собрать впечатления тех, кто никогда на Карафуто не был; то есть собрать слухи, легенды и домыслы, чтобы потом, по возвращении, сравнить их с реальным положением дел. Именно в столкновении между Сахалином легендарным и Сахалином реальным следовало искать те зерна, из которых произрастает будущее, именно этот диссонанс, по словам Ода, и являлся хлебом практической футурологии.

Сейчас, угощаясь прессованными шоколадными пластинками, я вспоминала слухи о Сахалине, долетавшие до меня еще во времена школы. В нашей семье, семье крупного военного чиновника, обсуждение сплетен не приветствовалось, однако после ужина я могла отправиться на кухню, где отдыхала прислуга, и услышать жуткие и фантастические истории про Карафуто.

Про то, что там до сих пор сохранились птицы, но птицы эти сухопутные, совсем не умеют летать, зато очень хорошо бегают. Птицы эти охотятся стаями и, подкравшись к спящему, первым делом выклевают ему глаза, а потом следуют за слепым, дожидаясь, пока он не сломает ноги, и тогда они набрасываются и расклевают несчастного за несколько минут.

Про северных островных людоедов, живущих в болотах и давно покрывшихся чешуей и издали напоминающих червей.

Про айну, которые, несмотря ни на что, выжили и вынашивают планы мести. Что каждый айну носит с собой кيسет, в котором хранит сухие кости пальцев рук убитых им японцев. Что при встрече айну играют в особую игру, и проигравший или должен за сутки принести победителю голову японца, или быть самому убитым. И всегда айну неуловимы, мужественны и кровожадны.

Про то, что уголь, присылаемый с острова, радиоактивный и что от его использования начинается гниль кожи и рак легких.

Про то, что на острове нет никаких каторжных тюрем, что всех преступников вывозят в море и бросают на съедение акулам, которые целыми стаями идут за каторжными сухогрузами в ожидании поживы.

Про то, что с Сахалина ни в коем случае нельзя вывозить никакие вещи и прочие трофеи, поскольку все они прокляты, и каждый, кто возьмет сахалинскую вещь, заболеет и скоро умрет.

Я вспоминала эти истории, рассказанные в полумраке таинственными голосами, а поезд между тем вышел на побережье; за окном в солнечном молочном мареве поплыл Татарский пролив, он казался теплым и мирным, лишь темные силуэты далеких миноносцев береговой охраны напоминали о том, что действует режим изоляции, что между островом и материком проведена граница, перейти которую не может ни один человек.

– Ваш друг тоже был там, – сказал вдруг проводник, вернув меня к реальности.

– Где? – не поняла я.

– Там, на железной дороге, когда нас хотели давить поездом. Он был там и спас много людей. Жаль, очень жаль.

– Что жаль? – снова не поняла я.

– Что он уедет. Он ведь наверняка уедет с вами в Японию.

– С чего вы взяли?

Проводник пожал плечами.

– У него на шее, вот здесь, – проводник потрогал себя за горло. – У него вот здесь пять полосок. Это означает, что он может уезжать. Это означает, что он совершил много полезного. Неужели тот, кто может отсюда уехать, предпочтет здесь остаться?

Теперь уже я пожалала плечами. Откуда знать, какие планы у Артема? Он показался мне не очень разговорчивым. Он постоянно о чем-то думал, поглаживая багор, или морщился. Он очень любил морщиться и почесывать нос, отчего казалось, что он мучается насморком. Если честно, мне хотелось с ним поговорить. Расспросить про его жизнь, узнать, как он смог... выжить здесь.

– Нет, он уедет, – с сожалением произнес проводник. – Это плохо.

– Почему?

– Порядка станет меньше. А время не то... Впрочем, надо как-то жить. Знаете, я завидую вам...

Проводник указал в сторону соседнего купе.

– Завидую, что вы можете поговорить с ним на его языке. Завидую. Скажите, а вы...

Проводник замолчал, видимо обдумывая просьбу. Обдумывал он ее достаточно долго, но никак не мог высказать, вспотел, снял фуражку и стал промокать лоб. Он явно пребывал в затруднении, и, чтобы помочь ему, я спросила про другое – про Углегорск.

– Углегорск...

Проводник достал из кармана форменного сюртука замшевую тряпку и стал протирать поручни, зеркала и другие полированные поверхности, их в купе было предостаточно.

В Углегорске нет ничего интересного, сказал проводник, лишь угольные копи, обогащательные фабрики, энергетические установки, заводы по производству эрзац-топлива, газ-гольдеры и бесконечные шахтерские бараки; из достопримечательностей там, пожалуй, только секта ползунов, ее проводник рекомендовал посмотреть непременно, особенно если я интересуюсь этнографией.

– Впрочем, насколько я понял, вы еще и футуролог?

– Да, – кивнула я. – Кафедра практической футурологии Токийского Императорского Университета, сейчас служу в Департаменте Этнографии.

Не думала, что проводник на линии Холмск – Тымовское хотя бы знал такое слово – футурология, но проводник его знал, даже более того.

– Профессор Ода, – с какой-то ностальгией произнес он. – Да-да...

Как выяснилось, в юности проводник посещал лекции вольнослушателем, но дальше дело не пошло, однако профессора Ода и его эксцентричные семинары он помнил до сих пор.

Странно здесь встретить человека, который видел профессора, воистину стал тесен обитаемый мир, сжался, сдулся.

– Профессор был заметной фигурой. Знаете, его борода восхищала студентов и пугала студенток...

– Борода? – переспросила я.

– Борода. Сейчас у него нет бороды?

– Нет.

– Жаль. Его борода часто выступала предметом анекдотов...

– Сейчас у него нет бороды, – сказала я. – Сейчас у него вместо бороды полевая футурология.

– Да, это, несомненно, актуально, футурология, будущее. Я помню, тогда все смеялись над ним, а сейчас, я смотрю, правительство заинтересовано...

Я пожала плечами.

– Если вы футуролог, то секта вас должна заинтересовать, – повторил проводник. – Это и смешно... И печально, впрочем. Хотя, если мне не изменяет память, ползуны возникли еще до Войны, и во время тогдашней смуты их движение было понятно, но сейчас...

Проводник сокрушенно покачал головой.

– Что самое удивительное, численность секты растет, – это проводник передал доверительным шепотом. – Причем, по некоторым слухам, в нее вовлечены даже некоторые чины местной администрации.

– Японцы? – удивилась я.

Проводник скорбно согласился.

– Это Сахалин, – сказал проводник. – Здесь возможно все. Если вы собираетесь дойти до Александровска, то вам лучше подготовиться – в пути вы увидите много чего, и японцы, ползающие по земле как ящерицы, не будут самым поразительным. Это Сахалин. Хотите шоколада?

Он принес еще шоколада.

А я спросила его о будущем.

Показания Артема

– Нет рыбы, нет птиц, нет кроликов, нет жратвы, нет чистой воды, нет салфеток, нет аспирина, нет табуреток, нет бумаги, нет газет, нет баб, нет бензина, нет лопат...

– Зачем тебе лопата? – спросил я.

Чек не ответил.

Но замолчал. Это хорошо, а то я стал немного уставать от его причитаний. Чек в последнее время совсем плох. И я знаю, зачем ему лопата.

Чек плох. От голода он стал похож на акулу. Лицо заострилось и вытянулось вперед, и зубы заняли в нем центральное место, а все остальное – нос, губы, глаза, лоб, все стало как бы прилегающим к зубам частями. Короче, Чек весь сосредоточился в своих зубах, по-другому и сказать не могу. Он стал своими зубами, его душа прочно вселилась в полированную нержавеющую сталь челюстей – да, зубы у Чека не свои. Свои у него выпали еще лет десять назад, разом. Утром проснулся, стал чай пить – и в кружку сплюнул. Помню, в бешенство тогда он пришел, меня побил и пошел в ханов стрелять из рогатки. А зубы сначала берег в пластиковом пузырьке в память о прошлом мире, но потом потерял и два года ходил беззубым. За эти два года у него окончательно испортился пищеварительный тракт и характер, раньше Чек беседовал о философии и литературе, сейчас исключительно о жратве и испражнениях.

– Опять жидко погадил, – трагически сообщил Чек. – Вроде пробку жую, кипяток пью, а все равно... А ты как?

– Нормально, – ответил я.

– Молодой еще, – объяснил Чек. – Я, когда молодой был, знаешь как гадил! Ого-го! Как бомбардировщик! Как слон! Не то что вы, богатыри, вать машу...

Чек стал рассказывать, как славно он гадил сразу после Войны, а на Войне у него с этим проблем вообще никаких не возникало, там все хорошо гадили.

Ему, наверное, лет восемьдесят, не меньше. Если он Войну застал, то не меньше. И все жив. Правда, лопату уже стал выпрашивать – это чтобы закопаться и не попасть на электростанцию. Он все боится, что я его сдам, и поэтому где-то роет себе могилу. Говорит, что не хочет, чтобы косоглазым достался хоть один ватт тепла из его тела. Человек.

Восемьдесят лет. Трудно представить. Он говорит, что помнит, как оно все было раньше. Еще десять лет назад он скакал вполне себе здоровым мужиком, легко катал свою тачку, теперь сдал. Голодные годы. Цинга. Прошлую зиму пережили с трудом – ханы разорили всю черемшу на западном склоне, пришлось дотягивать на короедах. Человек иногда сутками не вставал с печки.

Старый.

Чек вдруг перестал гундеть про повадки своего кишечника, замолчал на секунду и снова запустился:

– Нет рыбы, нет птиц, нет кроликов, нет жратвы, нет чистой воды, нет салфеток, нет аспирина, нет табуреток, нет бумаги, нет газет, нет баб, нет бензина, нет лопат.

Он извлек из особой баночки бархотку и начал полировать зубы.

– Нет рыбы, нет птиц, нет кроликов, нет жратвы, нет чистой воды, нет салфеток, нет аспирина, нет рыбы...

Это как молитва. Однажды я засек – Чек бубнил тринадцать минут и ни разу не повторился. Все-таки почти доктор философии, если не врет.

– Рыба есть, – поправил я.

– Считаю, что нету, – отмахнулся Чек. – Все равно ее жрать невозможно.

Зубы поблескивают, Человек с удовольствием в них посмотрелся, как в зеркало, подышал на них. Свои новые железные зубы он выменял на йод, йод он украл в фельдшерской, в фельдшерской он помогал препарировать трупы.

– Раньше у нас этой рыбой свиней кормили... Ты знаешь, что такое свинья?

– Видел, – ответил я.

– На картинке. А я еще живых застал! Восхитительные животные! Умные, неприхотливые, вес быстро набирают, а жрут все подряд. Ты знаешь, сколько блюд можно приготовить из обычной свиньи? Десятки... Нет, сотни великолепных блюд! Свиные уши, шашлык, кебаб... Я вчера видел собаку.

Приехали, подумал я. Он видел собаку. Нехороший признак. На соседней сопке жил Кочан, он тоже начал видеть собаку. Говорил, что по вечерам к нему приходит и смотрит. Повесился. Я сам его труп снимал, а потом сдавал.

Чек посмотрел на меня ехидно.

– Думаешь, я соскочил? – усмехнулся он. – Нет, я не соскочил! Я ее точно видел! Ханы завели собаку.

– Не знаю...

– Точно! Настоящую собаку! Ты представляешь, сколько блюд можно сделать из собаки?! Котлеты! Собака на ребрышках! Собака под маринадом! Собака по-польски! Томленные спинки! Собака, запеченная с грушами...

И так тринадцать минут подряд.

На собаке с имбирем Человек сбился и сказал:

– Шторм идет. Чую, чую, шторм! Нанесет тебе падали... Интересно, куда это собака прячется в шторм, а?

Кажется, все-таки свихнулся.

Я не стал дальше слушать, пошел к роднику.

В день примерно сорок литров. Нам с Человеком хватает, двадцать литров в неприкосновенный запас, остатки продаем ханам. У них есть свой ручей, бежит под нашей горой и впадает в речку. Но он грязный. Не то чтобы нестерпимо активный, пить можно. Но недолго, лет через пять печень отлетает. Поэтому ханы собирают воду с листьев, строят фильтры, покупают у нас. А несколько лет назад пытались подкопаться под гору, чтобы к нашему роднику прицепиться, метра четыре прорыли, наткнулись на скалу. Ну, а мы потом с Чеком им задали. Спалили три фанзы, вытоптали огороды, помню, Чек был в полной ярости. Рвал и поджигал. С тех пор ханы нас боятся, но родник мы все равно минирруем.

Сам родник прикрыт кирпичным колпаком и имеет стальную дверцу с замком. Замок хороший, хитрый, с первого раза не откроешь, а если откроешь, то нужно быстро нажать на пружину. Если за тридцать секунд не нажмешь, в воду выливается ведро бензина. А по-другому никак.

Цинковая бочка оказалась заполнена наполовину, я открутил кран, набрал канистры и отнес наверх. Тут у нас два пятисотлитровых бака с неприкосновенным запасом. Один хранится для питья, из другого поливаем огород. То есть поливали. Две недели назад Чек почувствовал былую страсть к земледелию и решил полить грядки. Он полил капусту, морковь и картошку. И забыл закрыть вентиль. Пятсот литров вытекло на тыквенную грядку и смыло ее. Чек сделал вид, что потерял сознание. После этого на бак с питьевой водой я тоже повесил замок.

Лето выдалось жарким, морковь и капуста быстро подвяли, на очереди пеклась картошка, а тыквы не осталось, так что я был уверен, что зима продлится долго. Черемша черемшой, но от нее кишки заворачиваются. Голод такой, что до морской капусты докатишься, тогда до весны можно протянуть.

Чек это понимал. Именно поэтому он решил помирить, не откладывая до февральских поносов. Думал, что я держу на него зло за воду и отомщу. Но собака его вдохновила.

Я достал спрятанную лопату и до вечера перекапывал грядки. Земля просохла. Есть полмешка гороха, если повезет, можно к зиме кое-что собрать. Сидеть зиму на горохе – не очень веселое дело, и желудок Чека взвост от восторга, ну да сам виноват. Никто его за руки не тянул.

Я работал. Иногда из дома показывался Чек и продолжал рассуждать о собаке, хищно поглядывая на горох. Попытается откопать. Точно, попытается. Придется, наверное, побить.

Работал до вечера. А ночью ударил шторм. Значит, Человек еще из ума не выжил. Может, он и собаку видел. Если тут на самом деле есть собака, то это очень хорошо. Ханы за нее горло перегрызут, но может, получится договориться. Сменять их собаку на нашу воду и морковь. Конечно, я не собирался ее есть, это глупо. Хотел попробовать натаскать ее на соболя. По слухам, на севере много его развелось, но без собаки не взять. Если...

Так получилось, что и я стал думать о собаке, а шторм в это время развернулся. Залепил окна липкой водой, затряс стены, заволновал землю, я перебрался с кровати в гамак и покачивался, стараясь не слушать ветра, стонущего в жестяной крыше, и скрежета, доносившегося со стороны города. Завтра будет работы – ветер повалит небоскребы, построенные из мусора, перемелет трущобы и набьет ханов, и придется прицеплять к труповозу прицеп, а может быть, и давилку...

Шторм – это хорошо. За каждого мертвеца выдадут по талону, а талон легко сменять на полкружки ячменя. Если повезет, наберу полмешка, ячмень можно запаривать или молотить и печь лепешки, можно прорастить и пережарить в солод...

Но работы оказалось гораздо больше, чем я ожидал. Меня подняли утром, часа в четыре, – приехал оранжевый грузовоз береговой охраны, и злой водитель-поселенец сообщил, что все муниципальные служащие обязаны в течение часа прибыть в бухту в костюмах химзащиты, в противогазах и с оборудованием для утилизации. Я спросил – опять, что ли, лодка, но водитель ответил, что ночью «Мирный» сорвался с якорей, опрокинулся и выбросился на берег. Содержимое танков оказалось в воде, и вся гавань теперь похожа...

Я примерно представлял, на что похожа гавань. На суп. Отправился будить Чека.

– Я сдох, – отмахнулся он. – Сдох, обоссался и не поднимаюсь.

– «Мирный» сорвался, – сказал я.

Чек ожил. Сел на койке, заблестел глазами.

– Сколько там? – спросил он.

– Тысяч пятьдесят, – ответил я.

– Прекрасно! Там весь берег, наверное, усеян! Это здорово! Слушай, давай и я пойду, а?

Чек вскочил и стал натягивать кальсоны.

– Вдвоем мы всяко больше наберем, – бормотал он. – Я еще ничего...

– А тачка? – спросил я.

– С тачкой еще лучше! – воскликнул он. – Ты будешь их вытаскивать, а я на тачке отвозить! Пшеницу поднимем! Я сто лет не ел каши!

В глазах у него неожиданно проявился вполне трезвый разум, и я согласился.

Стали собираться.

Чек переключился на возможную пшеничную кашу и стал вспоминать, как хорошо ее готовила мама. Он натягивал комбинезон и вспоминал вкус и цвет этой каши, ее густоту и рассыпчатость и то и дело добавлял, что единственное, чего не хватало в той каше до совершенства, – это немножечко свеженькой собачатины.

Он повторил про пшеницу и собачатинку так много раз, что меня затошнило, и я отправился греть двигатель труповоза.

Через десять минут явился Чек во всем облачении, в химзащите, с противогазом на боку, с багром, с кандалами. Велел мне катить тачку.

Тачка у Чека настоящая. Из старых. Иногда мне кажется, что из старых. Из доэлектрических времен. Полностью железная, с тяжелым чугунным катком вместо колеса, ни подшипников, ни какого-то облегчения. Я сам с этой тачкой стал только недавно справляться, а Чек с ней почти жизнь. Конечно, в последнее время он с горы редко спускался, а раньше он с этой тачкой до города и обратно по три раза туда-сюда бегал. Помню, когда я закоростел лет пять назад, весь покрылся толстой коркой, ходить не мог – двинусь, а короста трескается, и больно. Так он меня сажал в эту тачку – и в Холмск таскал к лекарю, потому что тот сам на гору не хотел подниматься. А тачка эта весит никак не меньше пуда, а то и полтора.

Вот и сейчас выволок я тачку и посмотрел на Чека с сомнением.

– Что смотришь? – насмешливо спросил Чек. – Да я еще тебя переживу. Давай, цепляй.

Я быстренько приковал ногу Чека к кольцу на тачке, мы погрузились в труповоз и пока-тили с сопки. Тормоза кипели и воняли.

У подножия собралась толпа ханов, они смотрели на нас с завистью и злобой.

– Сдохните, ханьские свиньи! – в сердцах крикнул им Чек.

Труповоз подбросило на камне, и Чек как всегда выронил свою бесценную челюсть, едва поймал и больше после этого ее не вставлял.

Через полчаса мы обогнули город и спустились к северной гавани.

Гавань была оцеплена силами самообороны, солдаты в противогазах разворачивали бухты колючей проволоки по второму ряду и строили оцепление, на берегу собрались все санитарные команды. Примерно в полумиле от нас лежал на боку танкер «Мирный», используемый для хранения и переработки трупов перед отправкой их на энергостанцию. Шторм загнал его в бухту, опрокинул, содержимое танков заполнило собою гавань.

Трупы. Мертвецы. Бревна. Много.

Удача. Нет, определенно удача.

При правильной организации процесса труп горит долго и жарко, так что мертвецы – ценное сырье. Кроме того, при таком перенаселении их просто некуда девать. Раньше поступали легко – набивали ими попавшийся старый сухогруз, выводили в море и топили. Но обнаружилось, что это не очень правильно – мертвецы часто всплывали, и их приносило обратно к берегу. Впоследствии разработали новый метод. Мертвеца обезвоживали в соли, сушили, пропитывали отработкой, потом обваливали в промышленных прессах и в хлыстах отправляли на берег. Дохло в городе много, недостатка в топливе энергостанция не испытывала.

– Не зря мне сволочи снились! – радостно воскликнул Чек. – Ты посмотри! Сегодня счастливый день!

Я уже успел посмотреть. Гавань была заполнена медленно покачивающимися трупами. За ночь они успели набрать жидкости, и теперь вода в бухте походила на густой неприятный суп из окурков. Или из фасоли.

У пропускного пункта я остановил машину, предъявил документы. Дежурил Кадо, жадный такой тип, любитель морковного вина и улиток, и хотя он прекрасно знал и меня и Чека, но рожу соорудил неприветливую, будто мы с Чеком и не муниципальные служащие. Пришлось представиться по форме:

– Добровольно ограниченные номер сто семнадцать...

– Прикованный к тачке, – с гордостью произнес Чек.

– И номер пятьсот сорок восемь, Прикованный к багру, – закончил я.

Кадо изучал наши карточки, тянул из вредности время.

– Корейцами пахнет, – сказал Чек. – У вас что тут, и корейцы бревна ворочают?

Кадо поморщился, но ругаться не стал, возможно, у него на самом деле имелись корейские корни.

– Проезжайте, – он махнул рукой.

– Я тебя, парень, помню, – Чек указал на Кадо пальцем. – Твоя мать торговала солеными крысами в корейском квартале, это были самые дрянные крысы на всем побережье, она надувала их через трубку, чтобы они выглядели упитаннее...

Я сдернул Чека на сиденье и направил машину к воде. Кадо злопамятный, может выработку понизить, лучше его не злить.

Чек беззубо засмеялся и затянул про пятнадцать человек на сундук мертвеца и про смерть, заблудившуюся в лесах под Охтой. Давно не видел его таким воодушевленным. Он будто сбросил лет двадцать, распрямились его колени, спина перестала хрустеть, руки сжимали багор, он то и дело гремел цепью и ругался.

Говорят, на восточной островной гряде мертвец еще в большем почете, там их развеивают в мусоросжигателях, а после выбирают из пепла редкоземельные крупички. Но и здесь мертвецы в цене, так что «Мирный» опрокинулся весьма кстати, шторм принес к нашему берегу удачу. Так что не зря Чек веселится. Конечно, они за ночь немного раскисли, ну, мертвецы то есть, но ничего, нацепляем.

Бойцы сил самообороны закончили с колючей проволокой и теперь проверяли огнеметы, выпуская в воздух оранжевые факелы. Пахло керосином, санитарный режим. Хотя мертвецы, как правило, не заразны, но на всякий случай. А колючая проволока нужна для того, чтобы не искушать поселенцев. За каждый труп администрация платит муниципальному служащему продовольствием, немного, но все же. Поэтому, если не выставить охрану, сюда нахлынет стая китайцев, они растащат все за полчаса, попрятчут мертвецов под кроватями в надежде потом сдать их на энергостанцию, и через месяц в городе начнется эпидемия. Кстати, среди китайцев распространена такая штука: собираются два китайца и играют в чёс, кто проиграл – тот вешается, выигравший получает труп и все имущество трупа в карманах.

Я остановил машину, и мы высадились на пляж. Тут собрались, наверное, все официальные божедомы Холмска, все, кто имеет разрешение работать с мертвецами. Понятно. Будем вылавливать бревна из воды, складывать их на берегу. Хранить их негде, новый танкер пригонят не скоро, так что скорее всего будут жечь. Какая разница, лишь бы заплатили.

Чек спрыгнул на гальку, с лязгом выволок из машины тачку и закинул на плечо багор.

– Привет, нищелюды! – крикнул он. – Я погляжу, со всего Холмска параша стеклася...

Собравшиеся на Чека внимания не обратили, продолжили смотреть в воду. Они знали, кто он такой, и вступать с ним в ссоры не решались.

– Ну что, – ухмыльнулся Чек, – надо и поработать немного. Мне кажется, вон там хорошее место, много трупов.

Чек указал багром в дальнюю сторону гавани. Там на берег выбросился вельбот, своим корпусом он создал дополнительную ловушку, в которую успело набиться множество бревен. Отмель, трупов на ней скопилось особенно много, и достать их было легче.

Чек взялся за ручки тачки и, толкая ее перед собой, направился вдоль пляжа. Он шел широко, направляя тачку на встречных божедомов, плюя в их сторону, кашляя и сморкаясь. Останавливался, замахивался багром на стоящих непозволительно близко и ругался. Он ругал ханов, которым давно пора вернуться в свой ненаглядный Китай и сдохнуть под радиоактивным пеплом. Ругал японцев, которые сыто устроились в своей косоглазой империи, они там всю жрут собак, а мы тутдохнем. Корейцев, которые вообще недостойны называться людьми, потому что все это затеяли именно они, Ким Ын Юн, будь ты проклят вовек. Американцев – он соберет в себе силы и девятого пойдет в город кинуть камень в проклятого чипсоджора, который раскормился на его, Человека, костях, говорят, он в день съедает по полсобаки.

Я шагнул за ним. Божедомы, в большинстве своем ханы, были покорны. Лишь у немногих в глазах вспыхивала быстрая ненависть, и тогда я останавливался и ждал, пока она погаснет. Потому что ханов надо держать в строгости. А то на голову сядут.

Место у вельбота оказалось занято. Два довольно крепких мужика с вызывающими баграми, крашенными в яркий зеленый цвет. Высокие и белые – то ли финны, то ли поляки, не знаю, раньше я их не видел. Наверное, из новеньких, с прошлогоднего парохода. На спинах бубей нет, но, может, просто набить еще не успели.

– Вот тут и будем стараться, – сказал Чек и наехал тачкой на ногу финна.

Финн не отступил. Напротив, стал упертее. Только финнов нам не хватало...

– Отошел! – рявкнул Чек. – В сторону! Я вам покажу сейчас Калевалу, вать машу! Вы, трупоеды чухонские, в сторону!

Финн остался на месте. Устойчивый такой. Другой несколько посторонился. Потому что Чек умел быть страшным.

– Ты кто такой, пермоляйнен?! – спросил Чек. – Ты кто такой, немочь самоедская? Я – Прикованный к тачке! А ты, ты кто? Ты, перхоть подзаборная, муми-тролль недовыжатый...

Финн оглянулся в поисках поддержки у другого финна.

– Вон! – рявкнул Чек. – Вон пошел, пока ходится!

Финн отступил на шаг.

Чек достал из кармана железную челюсть и вставил в рот.

– Я тебя сейчас на кадык поставлю, и мне за это ничего не будет, – сообщил Чек и начал необычайно ловко раскручивать над головой багор.

Финны сдались и побрели прочь, искать новое место.

– Вот так с ними и надо, – сказал Чек. – Примитивные этносы понимают только грубый язык силы, запомни это.

Он воткнул багор в гальку и уселся на тачку. А руки дрожали, я заметил. Нет, Чек решительно постарел.

– Работы много, – кивнул он на воду. – Скорее всего, зажмут по полкружки за штуку. Ну, если хотя бы по четверти и то неплохо. Тут за пару часов на мешок можно повытаскивать. Начнем, что ли?

Но мы не начали, пока не появился представитель Санитарного Департамента с мегафоном и не объявил, что работы можно производить единственно по сигналу, а вытасканные бревна складывать на берегу штабелями как можно дальше от береговой линии.

– Докатились, – Чек презрительно плюнул в воду. – Корейцы учат меня, как надо штабелировать жмуrow! Да я этим сорок лет занимаюсь! Скоро они меня будут учить, как правильно собак жрать...

Со стороны «Мирного» послышался тяжелый мясной звук, точно внутри что-то оборвалось.

– И куда мы их девать станем, – спросил Человек, – когда повытаскиваем? Другой танкер подгонят?

– Вряд ли. Так быстро свободный танкер не найдешь, они все расписаны...

– Закапывать, что ли? Куда закапывать? И так земли не осталось, а если еще мертвяков закапывать... Слушай, а если их в котлован обогатительной фабрики завалить, а? Наверное, войдут. Там же солидный какой котлован...

С чего-то вдруг Чек озаботился проблемой утилизации бревен. Хотя у него сейчас хорошее настроение, вот фантазия и разыгралась.

– Не, – помотал головой я. – В фундамент нельзя закатывать, потом пустоты образуются. Будут жечь, скорее всего.

– Как жечь? Они же сырые теперь. Размокли... Как их жечь-то?

Какая разница? Наше дело вытаскивать, жгут пусть пожарные.

Подошел знакомый кореец из Санитарного Департамента, доктор Пхен. Я узнал его – два года назад он заведовал в нашем округе публичными виселицами, а сейчас, значит, поднялся. Странно, обычно корейцев на официальные должности не пускают, а этот пробрался. Доктор

Пхен, толстый такой Пхен, что для нашего времени необычно. Корейцы страдают от голода сильнее остальных, отчего крайне неразборчивы в пище, зачастую питаются земляными червями и поклоняются Чучхе, бесу из чащи.

Доктор Пхен изложил план – вытаскиваем трупы баграми, складываем их вдоль откоса, жжем напалмом и из огнеметов, закапываем бульдозерами, снова жжем. Работы много, но к вечеру должны успеть, и лучше успеть, поскольку ночью снова ожидается шторм, и никому не надо, чтобы бревна унесло в море.

– Поспешай! – прикрикнул доктор Пхен. – Поспешай-поспешай! Работай!

– Я сегодня ночью обоссался, – громко сообщил Чек Пхену. – От страха и отвращения. А знаешь почему? Мне приснилось, что я – это ты.

Доктор Пхен посмеялся и отправился дальше, Чек плюнул ему в спину, но доктор Пхен не обернулся.

Я двинулся с багром к воде.

Чек потащился за мной с тачкой, по пути рассказывая свою очередную историю. Они у него каждый раз другие, так что я подозреваю, что Чек их все-таки выдумывает. Если бы не выдумывал, то он бы повторялся, а он не повторяется.

– А ты знаешь, что «агент V» придумал дерматолог? – начал Чек. – Цернштоллер, известный ученый, гений. Все знали, что рано или поздно война случится. И готовились. Кожу жидкую разрабатывали, чтоб в полевых условиях можно использовать. А потом вдруг выявилось побочное воздействие. Совершенно случайно он опрокинул пузырек в аквариум...

Мне не хотелось болтать о гениях былых времен, хотелось, чтобы поскорей наступил вечер. Послепослезавтра чтобы наступило. Трупы – это здорово. Когда один-два. Но таскать их целый день... Нет бы подогнать дночерпалку, полчаса работы – и все бревна на берегу. Но черпалка дорогая, а мы, трупорезы, бесплатные.

– Когда Цернштоллер понял, что изобрел, он сошел с ума, – с каким-то удовольствием сказал Человек, – и выбросился из окна. Знаешь, такая древняя богемская традиция, дефенестрация называется...

– Ему надо было раньше выброситься, до изобретения.

И всем бы им, этим изобретателям, выброситься раньше. Мобильное бешенство, кажется, в своем первоначальном варианте являлось лекарством от герпеса.

– Я слышал вот, что война началась из-за боксеров, – сказал я. – В городе говорили...

– Не совсем так, – тут же подтвердил Чек. – Война началась во время матча, это да, Северная Корея против Америки. Хен Вон против Илая Малика. Матч устроили в Мумбае, заранее называли «Мумбайской бойней»... Хен Вон лег в седьмом раунде, как сейчас помню...

Чек улыбнулся. Опять непонятно, врет или нет. С Чеком теперь все непонятно.

– Он лег в седьмом раунде, этот негр Малик его уронил левым апперкотом, я смотрел по телику. А через восемнадцать минут Северная Корея нанесла ядерный удар по американским базам на островах. Нас к вечеру мобилизовали, а на следующий день... На следующий день уже была ночь. Во всяком случае, над континентом...

Мы приблизились к прибою, и я начал работать. Зацепил багром бревно, выволок на гальку. Затем второго. Затем третьего, четвертого выволок. Все ханы. У них от сушки лица становятся кукольными, и звук деревянный, поэтому их бревнами и называют. Правда, уже успели размокнуть, но все равно держались на воде хорошо и были не очень тяжелыми.

Чек не работал, сидел на тачке, рассуждал, как обычно:

– Участь интеллигенции в постъядерном мире незавидна. Интеллигенция приняла на себя первый натиск тьмы, от нее почти ничего не осталось. Но кто, если не мы, сможет донести до потомков весь шум и всю ярость тех дней? Это наш крест, наше бремя. В окружении ханьского зверя и корейского хама сберечь святое пламя духа! Передать его грядущим поколениям! Я чувствую себя Данко, честное слово.

– Вчера ты чувствовал себя Монтесумой, – напомнил я.

– Вчера я был жалок.

Человек задумался, потом выдал:

– Вчера я был жалок – и гадил жидко. Сегодня я кремь – здравствуй, запор!

Чек расхохотался.

– Слушай, я, пожалуй, выпущу небольшую книжку афоризмов – в качестве приложения к «Теории посмертной мобильности». Назову ее «Овечьи шарики», ну или что-то вроде...

Мертвецы у берега закончились, и мне пришлось зайти чуть глубже, до пояса. Чек продолжал громче, чтобы я слышал:

– ...так и обозначу: «Теория посмертной мобильности. Двоеточие. Введение в прикладную эсхатологию». Это будет достойно! Шум и ярость! Мир падет в огне! Как же! Хрен вам, господа, – мир падет в дерьме! В дизентерии! В нечистотах! В кровохарканье, в бубонной чуме и радиоактивных мокрицах!

Волны качнулись и подогнали к берегу стайку трупов. Я к этому времени неплохо размялся и теперь работал с полной отдачей, широкими движениями цепляя и выкидывая на берег бревна. Главное, войти в ритм: раз – два, раз – два. Чек тоже старался не отставать, грузил, таскал, сбрасывал. Болтал меньше.

Через час на нашем берегу высылся вполне себе изрядный курган из бревен, по моим подсчетам, около полутора сотен. Еще штук пятьдесят я выволок из воды, но до кургана дотащить не смог от усталости. Сделали перерыв. Человек опять за свое:

– Никакого льда! Никакого пламени! Никакой полыни! Дерьмо! Водопадами дерьмо, таков Его нам ответ!

Я чувствовал, как у меня начинают болеть плечи и спина, а Чек, напротив, держался удивительно бодренько, ну, или умело делал вид. Ему тут нравилось: публика есть, движение, интересно. Курил еще. Он до сих пор иногда курит мох, хотя меня от курения отучил еще в самом раннем возрасте. Курил.

Чек закашлялся, сплюнул коричневую слюну на колено и провозгласил:

– Конец света – это тоска. Ничего веселого. Тоска и мертвецы. Подвижные мертвецы... – он указал на меня. – И уже неподвижные, – он указал на бревна, колышущихся в гавани, как прибрежный мусор.

– Подвижные, неподвижные. А разницы никакой. Мертвецы. Знаешь, судьба удивительно иронична, я заметил это еще в школе...

А вот это я хорошо знаю. Что судьба иронична. Что он, кандидат философских наук, большой знаток немецкой философии, вынужден большую часть своей удивительно трудной жизни быть трупорезом. А он, между прочим, Кьеркегора в подлиннике читал и диссертацию защищал по проблемам и перспективам форсированного прогресса.

Про немецкую философию это правда. Я от этой философии с детства страдаю. Чек ведь меня не только багром учил орудовать, он меня еще и по философической части продвигал. Вещь в себе, звездное небо надо мной, мы то, что мы думаем.

– Да, – продолжал Человек, – мы интеллигентные люди. Старик Ницше все это еще давным-давно предвидел, он вот лошадь поцеловал, многие думали, свихнулся, а это был знак, все неспроста, мой друг, все неспроста. Через на первый взгляд необязательную цепь причин и следствий, через паутину бессмысленных событий на нас смотрит Бог, и лишь тот, кто чист душой, услышит песнь Его, узрит Его замысел, и маятник, качнувшийся в сторону зверства, качнется в милосердие...

Очень быстро Чека занесло, он перешел на немецкий и стал беседовать с кем-то невидимым, я немного послушал, но ничего нового для себя не узнал и вернулся к работе. Он в последнее время часто с этим невидимым беседует.

Бревна не убывали, напротив, несмотря на все старания, их становилось все больше и больше, они точно поднимались из глубин, накатывая новыми волнами. Разные, некоторые еще окоченевшие, другие, наоборот, полужидкие, проросшие коростой, ржавчиной, выложить их нормально было трудно.

Я работал пока еще в полную силу, от Человека же толку было мало, на шестерых моих мертвецов приходился один его. И то хорошо. Не заболел бы, от голода болезни привязываются. Хотя, может, за сегодня мы все-таки получим провизией, придем домой, помоемся, сварим что-нибудь...

Я стал мечтать, чтобы нам выдали овес. Из овса получается отличная каша. Отличный кисель. И хлеб вполне себе вкусный.

– Мама! – вскрикнул вдруг Чек, шархнулся.

Цепь, крепящая его к тачке, натянулась, Человек шмякнулся на гальку, замер.

Я подошел, поглядел на труп, который он пытался загрузить в тачку. Хан как хан, распухший, белый, странный какой-то... Не сушеный. Скорее всего, не с «Мирного», давно в море болтается, подгнить успел по краям. Черты лица еще можно распознать. Хан как хан, чего Чек так дернулся?

– Он же на меня походит, – прошептал Чек. – Ты разве не видишь?

Хан совсем не походил на Человека.

– Воняет так же, как ты, – сказал я. – А так ничего общего.

– Одно лицо... – Чек всхлипнул. – Просто одно лицо, ты погляди внимательнее!

Хан совсем не походил, но Чек, кажется, начал впадать в истерику, и я согласился:

– Да, похож немного. Бывает.

Я зацепил хана багром и отволол его к остальной куче. Вернулся к морю, продолжил работу.

А Человек все, посыпался. Причитать пустился, десять минут бродил вдоль кучи бревен и вглядывался в каждого, кто не успел засохнуть до неузнаваемости. Сказал, что ищет еще похожих, поскольку такой феномен надо осмыслить, а закрывать на него глаза философски неверно. Мне же представлялось, что Человек попросту не хочет работать. Устал ковыряться с трупами, вот и придумал, как отодвинуться. Скорее всего так.

А я работал. Взмахивал багром, цеплял, тащил. Еще раз. Еще десять раз. И так еще сто раз, и еще двести раз, пока не заболели спина и ноги.

На двести первый раз багор сорвался, а я поскользнулся на слизистых камнях и оборвался в гущу. Воды в гавани не осталось, бухту заполняла жижа, состоящая из городских отходов, химических стоков, из мусора, слизи. Я начал захлебываться и втянул эту дрянь в легкие, и за шиворот она немедленно пробралась, трупы сомкнулись надо мной, прижали ко дну неожиданной тяжестью. Я точно оказался на дне тарелки со студнем, вроде и жидко, но подняться тяжело. Я собрал силы и продавился через эту дрянь, разогнул спину, и Чек, стоящий на берегу, подал мне руку.

– Прах к праху, – пояснил Чек. – Снаружи прах, и внутри прах, исчезло божье электричество.

Сунул термос с горячей водой. А меня тут же вырвало, два раза, а потом я выпил кипятка, но это не очень помогло – я чувствовал, как внутри осталось что-то мертвое, холодное и липкое, кусок мертвецкой заразы.

– Стараться! – провозгласил в мегафон доктор Пхен с высокого берега. – Стараться!

Но я уже не мог стараться. У меня дрожали руки, меня тошнило. Свис.

Остальные божедомы тоже постепенно сдавались. Берег был завален мертвецами. Я так думаю, мы выволокли тысяч пятнадцать, а в воде оставалось еще в три раза больше. Погода опять портилась, Чек посмотрел на небо и сказал, что ночью опять придет шторм. Может, даже более мощный. Он уверен.

Через полчаса стало окончательно ясно, что нам не справиться. Трупы, вывалившиеся из танкера «Мирный», убрать не получится. Поэтому на подмогу пригнали ханов.

Они были из свежих, новеньких, похоже, прямиком с Монерона, все улыбались и выглядели довольными, а некоторые и счастливыми. Каждому хану вручили по длинному железному крюку и отправили в море. Они лезли в воду в одежде, без костюмов, без сапог, в своих обычных ханских мешках, это выглядело печально. Крюков на всех не хватило, и они вытаскивали трупы за руки и за ноги, закидывали бревно на спину третьему, и тот волок их к остальным. Не очень эффективно, но ханов явилось много, так что дело шло.

Я немного отдохнул и вернулся к воде.

К сумеркам мы закончили.

К сумеркам прибыл глава округа Холмск или его заместитель, не знаю, к вечеру я плохо соображал, сидел на вытащенной из моря покрывке и смотрел, как живые ханы складывают мертвых ханов в неаккуратные кучи, и вокруг одни ханы, и живых трудно отличить от мертвых, и все смешалось.

Глава округа привез бочки с напалмом и ведра, и все, кто еще мог стоять на ногах, таскали напалм и пропитывали им трупы и поливали камни вокруг.

А потом доктор Пхен выстрелил из ракетницы.

Домой мы не поехали. Тут было тепло. Да и сил не очень оставалось, во всяком случае у меня. Я притащил из нашего труповоза брезентовые плащи и котелок. Еды я с собой не прихватил никакой, но Пхен обещал, что за работу нам с Человеком выдадут три мешка проса. Это грело. К тому же бревна, политые напалмом, горели ровно и жарко. Другие трупорезы тоже устроились у дармового огонька, раскинули палатки, что-то варили.

Чек немного поныл, но, напившись кипятка, взбодрился. Он принялся бродить вдоль воды в расстегнутой фуфайке, с всклокоченными волосами и рассуждал о чуде в жизни каждого отдельного человека. Что здесь, в бухте, на берегу, сожжено и закопано несколько тысяч полновесных чудес, но никто этого не понимает, потому что всеобщая пелена умертвения закрыла наши глаза бельмами зла.

Он говорил это громко, почти проповедовал, некоторые из трупорезов его слушали. Это неудивительно – говорит Чек хорошо. А если начинает кого проклинать... Тачку он катил за собой, колесо, набравшее песка, громко скрипело. Огонь скоро развеселился, и трупы стали стрелять и трещать, точно петарды.

А ночью пришел шторм. Он не случился таким мощным, как вчера, волны были низкие, а ветер сильный. Ветер раздувал огонь, и иногда он взлетал на много метров. По берегу гуляли странные тени. Чек некоторое время стоял, глядя в огонь, затем лег спать в свою тачку, укрывшись брезентом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.